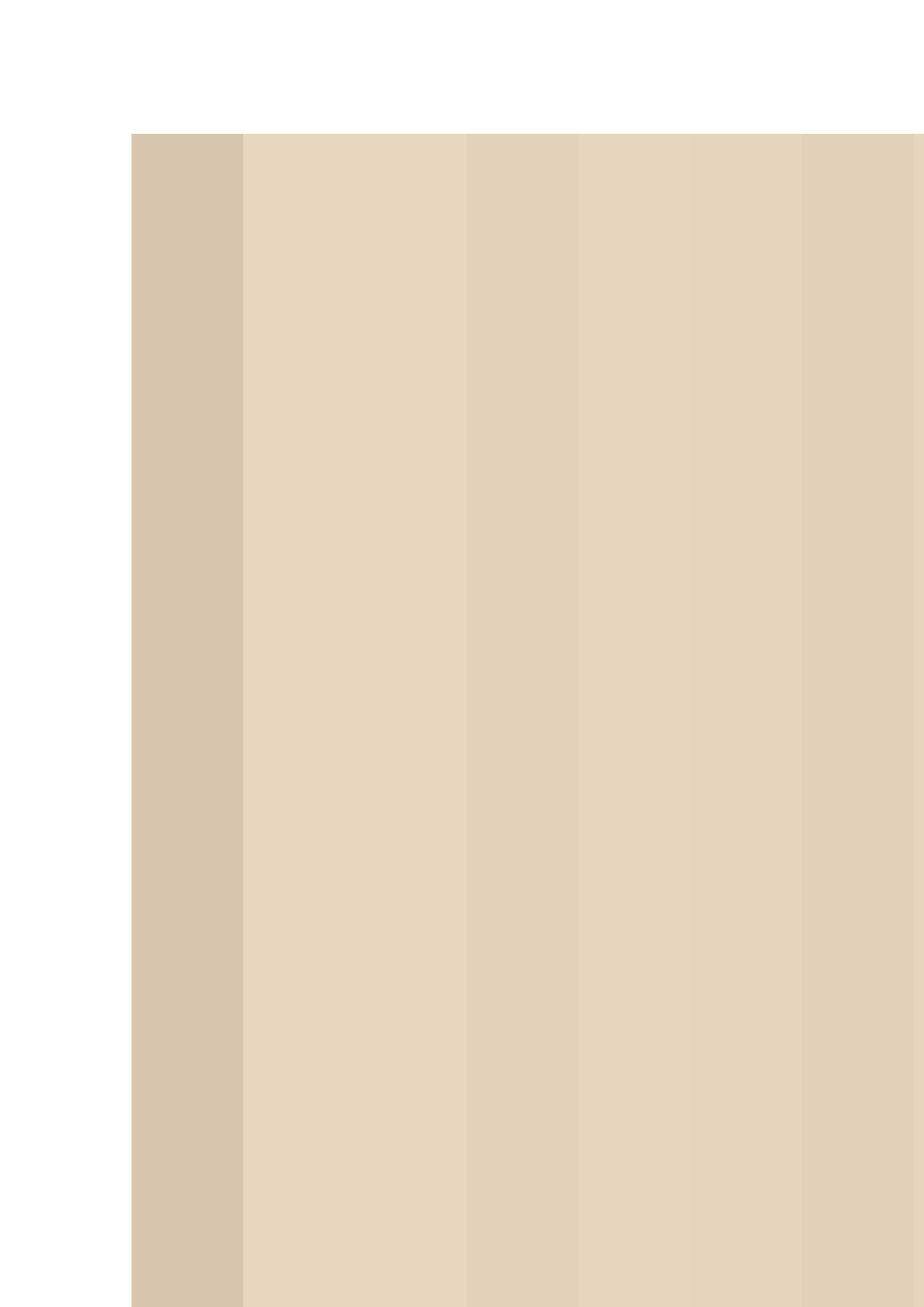

Густав Водичка

Родина дремлющих ангелов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7346380

*Родина дремлющих ангелов (Изд-е 4-е, дополненное): Амадей; Киев; 2012
ISBN 978-966-183-011-9*

Аннотация

«Родина дремлющих ангелов» – сборник эссе талантливого писателя, нашего современника, историка и философа Густава Водички, неустанного исследователя жизни во всех ее проявлениях.

Это прекрасный коллаж ярких и откровенных мыслей, поражающий воображение даже искушенного читателя. Трезвый и пронизательный взгляд на всем знакомые проявления жизни, умение анализировать и философски осмысливать реальность и мастерское владение словом не оставит читателя равнодушным.

Уникальная книга «Родина дремлющих ангелов» дарит немало поразительных открытий, которые позволят читателю глубже узнать человеческую природу.

Содержание

ОТ АВТОРА	4
ПРЕДЕЛЫ РАЯ	5
РОДИНА ДРЕМЛЮЩИХ АНГЕЛОВ	5
СПРАВКА ЗЕМЛЕМЕРА	8
ДУХ СТЕПОВОЙ ФОРТЕЦІ	10
ПРЕСТОЛЬНАЯ ОДА	12
ВРАГУ НЕ СДАЁТСЯ НАШ ГОРДЫЙ НАРОД	14
СЕЛЕКЦИЯ УГРОЗОЙ	16
СНАЙПЕРЫ «ЧЁРНОГО ГЛАЗА»	18
ДОКЛАД БЕЛОГО ДОКТОРА	20
ПРЕДЕЛЫ РАЯ	23
ЭРА ГЛУХОНЕМЫХ	25
КТО СМЕЕТ БЫТЬ НАШИМ НАЧАЛЬНИКОМ?	27
ПИСЬМО ПОСЛЕДНЕГО ТИРАНА	29
КОМФОРТ ВРАЖДЕБНЫХ ВИХРЕЙ	31
ГОРИЗОНТ ВОЗМЕЗДИЯ	33
МЕРИЛО НАШЕГО РОСТА	36
АПОЛОГИЯ КОРРУПЦИИ	37
АПОЛОГИЯ СМЕРТНОЙ КАЗНИ	39
НАЛОГОВЫЙ ПРИНЦИП ВСЕЛЕННОЙ	42
ИНСТРУКЦИИ ГРАЖДАНСКОЙ ОБОРОНЫ	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

ГУСТАВ ВОДИЧКА РОДИНА ДРЕМЛЮЩИХ АНГЕЛОВ

Посвящается маме и папе

ОТ АВТОРА

Большую часть этой книги я написал в лихие девяностые. С годами стоило что-то изменить или переписать заново. Но я решил оставить всё как есть. Каждое время должно жить в своих текстах.

P.S. В авторском переводе на украинский язык книга называется «*Земля замріяних янголів*».

ПРЕДЕЛЫ РАЯ

РОДИНА ДРЕМЛЮЩИХ АНГЕЛОВ

Украина – это капище¹ невозмутимых мудрецов. Наш главный религиозный ритуал – упорное ожидание бесплатного чуда.

Говорят, что под лежащий камень вода не течёт. Украинцы с этим не согласны. Мы триста лет сидели сиднем в центре Европы и ждали «самостийности». Бог не выдержал такой наглости и свершил чудо. Удовлетворённые результативностью своей религии, мы ожидаем других чудес. Например, процветания и благополучия. При этом нас не пугает время и кратковременность жизни. Мы ведём себя, как бессмертные люди, которым не падает на голову кирпич, но зато падают мешки с твёрдой валютой.

Украинцы – это нация, полностью лишённая комплекса неполноценности. Из всех видов ожидания мы избрали самую зрелую философскую форму. Как индивидуумы с окончательно сложившимся представлением о мире, мы вгоняем окружающую жизнь в понятные нам алгоритмы развития. Всё «зная», мы пребываем в постоянном ожидании, опираясь на заготовленные ярлыки. Очередной парламент для нас – ничто. Очередной премьер для нас – никто. Флот – это то, что делится само по себе. Гривна – это рубль. Свинья – это сосед. А сало – это продукт.

¹ Капище – языческое культовое сооружение.

Активные деловые люди в наших глазах выглядят, как озабоченные меркантильные дураки, лишённые традиционной украинской духовности. А с другой стороны, они подтверждают ожидаемые нами чудеса. Не двигаясь с места и не предпринимая каких-либо усилий, мы наблюдаем за переменами вокруг: нашествием иномарок, строительством новых магазинов, появлением диковинных товаров. Мы смотрим на всё это, как на закономерное следствие своих ожиданий. Теоретически у нас всё есть. Главное – этого дожидаться.

Незыблемость тихого украинского рая очевидна. Турки с москалями приходят и уходят, а девочки с веночками и дедушка с бандурой пребывают вечно. Свою главную религиозную песню мы сделали государственным гимном. *«Згинуть наші вороженьки, як роса на сонці»* – то есть сами по себе... *«Запануєм і ми, браття, у своїй сторонці»* – то есть когда-нибудь, сейчас нам не до этого. *«Ще на нашіій Україні доленька доспіє»* – другими словами, сытый украинец незрелыми плодами питаться не привык.

Для нас судьба – это не факт настоящего времени, а нечто до сих пор несуществующее. Всё, что с нами происходит, не имеет никакого значения, потому что в каждом украинском доме обитают монахи похлеще буддийских, знакомые с невиданным чувством нирваны.

Нам странно наблюдать за поведением американцев, англичан, французов, русских и так далее. Они постоянно лезут в мировую историю, что-то декларируют, «выпендриваются», нападают на соседей. То есть ведут себя, как ущербные люди. Сидя на пороге своей хаты, которая с краю, мы медленно жуём галушку и не можем понять, чего это немцы постоянно лезут к нам во двор. Может, они нам завидуют? Этих гансов не разберёшь: то они корову забирают, то гуманитарную помощь суют. Складывается впечатление, что весь мир танцует перед нами на задних лапах и пытается привлечь к себе внимание. Наверное, окружающие нас народы не могут догадаться, что нам на них даже плевать скучно.

Украина самодостаточна. Это российскую птицу-тройку постоянно гоняют или на Аляску за снегом, или в Порт-Артур за мордобоем. А нашим задумчивым волам ходить некуда и незачем, ну разве что в Крым за солью.

Украинская философствующая душа не приемлет резвых нордических мыслей или поступков. Ведь ожидание чуда – это сложнейшая внутренняя практика. Она не позволяет нам отвлекаться на суетное.

Только хрущи, которые *«над вишнями гудуть»*, имеют право тревожить нас по вечерам. Нас бессмысленно чем-либо соблазнять. Изначально поместив себя в центр Вселенной, мы существуем в ином измерении. Нам не нужна целеустремлённость. Мы сами являемся целью. Мы ни в ком не испытываем нужды, но в нас нуждаются все: варяги любили у нас пожить, татары – поживиться, Петр I не мог без нас построить Петербург, его дочь не могла спать без нашего мужчины. Сталину мы помогали охранять лагеря, а Гитлеру – воевать. У нас так много чудотворного здоровья, что даже Чернобыль мы согласились взять на себя.

Мы запросто помогаем решать проблемы соседям, потому что своих проблем у нас нет. Люди наблюдательные это давно заметили. Русский писатель Иван Бунин был яростным хохломаном. Он неустанно повторял, что украинцы – это абсолютно реализованная, эстетически совершенная и гармонически развитая нация. Что ничего подобного в мире больше нет. Бунин, конечно, не ошибся.

Украинцы превосходны не в своём умении ожидать, а в том, что они сами являются чудом. Как совершенные создания, мы ничего не создаем. Откровенно проявленная гениальность обиженного *«кріпака»* Шевченко – это неприятное исключение, подтверждающее правило: совершенство в декларации и развитии не нуждается; оно помогает развиваться только тому, что существует за его пределами. Украинские священники, писатели, поэты, художники, политики, полководцы, режиссёры, актёры, певцы, конструкторы, учёные, изобретатели, умельцы вечно разъезжают по миру и объявляют себя русскими, американцами,

турками, поляками, французами – кем угодно, чтобы бедные, ущербные народы имели повод гордиться собой.

Украина – родина дремлющих ангелов. Её безмолвное ожидание наполняет чудесами планету. Её нельзя завоевать, поработить или уничтожить. Она не чувствительна к событиям. Её жизнь не протекает и не происходит. Она вне событий и времени. Она не помнит свой день рождения и не знает своего возраста. Она сама себе достойный собеседник. Ей не с кем спорить и нечего доказывать. Для неё уже всё произошло.

СПРАВКА ЗЕМЛЕМЕРА

История мира – это победа Человека над Землёй. И только история Украины – это победа Земли над Человеком.

От Бога всем досталось понемногу: немцам – колбаса, французам – лягушки, британцам – королева, неграм – бегемоты, индусам – точка на лбу, а украинцам – третья часть всех запасов чернозёма.

Этим примечательным фактом мы часто и нагло гордимся, упуская из виду, что изобилие в таких масштабах равноценно катастрофе. Голуби, живущие на элеваторе, от тяжести раскормленного тела теряют способность летать и служат пищей всем, кому не лень.

Конечно, с виду мы не похожи на людей, избалованных сладким и жирным. Однако сытость у нас в крови. С каменного века люди, проживающие на территории Украины, могли не думать о завтрашнем дне. Кочевнику и земледельцу здесь редко приходилось отдыхать, потому что редко приходилось напрягаться. Всего было вдоволь, и жадность у нас определялась позой тела. Кто хотел больше – тот на карачках стоял дольше.

Излишек продуктов у нас порождал целые общины ленивых романтиков. Можно было годами, почёсывая пузо, любоваться звёздами где-нибудь на Запорожье и думать о вечном...

Эту лавочку тихо прикрыли, но романтиков меньше не стало. Ситуация напоминала застольную сцену: водка, салат, колбаса и реплика: *«Ребята! Зачем нам ходить на улицу, у нас же всё есть»*.

Стратегия выживания, в прямом смысле, лежала под ногами. Семьями и в одиночку украинцы могли спокойно жить на отдалённых хуторах, не испытывая нужды в соседях. Плодородие земли и замкнутое натуральное хозяйство гарантировали длительную автономию. Общинная жизнь для нас была вынужденной мерой для совместной обороны и, как правило, весьма непрочной.

К примеру, у древних египтян без совместного общинного труда на урожай рассчитывать не приходилось. Строительство оросительных систем требовало усилий множества людей и организаторских талантов. Отсюда вытекали порядок, бюрократия, империя, пирамиды и прочая дрянь, от которой романтикидохнут.

Именно этого добивались большевики в 33-м. Ведь главное чудо советской империи – не полёт человека в космос, а умерший от голода украинец. Грандиозность этой операции поражает воображение. На огромной территории в каждый дом, сарай и ямы врывались люди с целью забрать даже помои. Это мистика в чистом виде. Украинцам доказали, что надежда на силу земли не спасает, а гробит.

Уроков мы не извлекли. Нас радует не консерватория, а домашняя консервация. Наше массовое выживание на шести сотках без применения спецтехнологий – оскорбительный вызов всему цивилизованному миру. Нам начихать на все валютные фонды. Для украинца валюта – это не цифры в компьютере, а запасы в погребе. Ядерное наследство здесь, конечно, ни к чему...

Нация определилась – лучше летом ползать на карачках, чем зимой ходить в штыки. Каждый сажает, что может: американцы – наших премьеров, а мы – картошку. Причём картошку у нас сажают все, начиная с министра культуры и заканчивая прачкой.

Это явление давно вышло за пределы разумной необходимости. Украинское огородничество превратилось в своеобразный культ с ритуалом жертвоприношения. Когда, не считаясь с расходами, состоятельные люди нанимают рабочих следить за фамильными грядками, – это уже не издержки человеческого фактора, а зловещий триумф чернозёма.

Источник изобилия сделался причиной нашей болезни. Прямо посреди огородов мы строим космические корабли, на которых некуда летать, собираем танки, на которых не воюем, и воспитываем гениальных людей, в которых не нуждаемся.

Весь мир порывается туда, где ещё не был. И только нам хочется туда, где нас уже нет: на тёплый, утопающий в зелени хутор, где будут *«мама молодая и отец живой»*. Мы, ленивые набожные романтики, крылатые бездельники земного рая, не можем поверить, что земля нам давно не помощник. Польские и турецкие труженики, которых мы регулярно вешали, сегодня выглядят сильнее нас. Неужто и в самом деле труждающийся достоин пропитания? А нам так долго верилось, что пропитания достойны только мы!

Где-то за пределами Украины на камнях, песке и болоте выросли страшные сказочные царства, в которых за деньги тепло и вода... Они желают, чтобы и мы заплатили. Как будто украинцы способны забыть тысячелетнюю Божью благодать ради занятий кредитными процедурами.

Мы же понимаем, что суетный труд не для нас, и, если вареники сами в рот не залетают, значит, погода нелётная.

Сдаваться нельзя и терпеть бессмысленно. Остаётся землю закатать асфальтом и начать новую жизнь. Морковка расти не будет... Зато романтики смогут ходить строем, рисовать мелом и кататься на роликах.

ДУХ СТЕПОВОЇ ФОРТЕЦІ

Один сучасний український патріот мріяв побачити запорожців часів Хмельницького. Бідолаха не знав, що ці славні запорожці могли скарати на горло усіх наших патріотів, націоналістів, депутатів, демократів і гуманістів разом.

Жаль, що немає машини часу. Нашому щирому українцю добрий урок не завадить. Запорожці були б раді прийняти нового прибульця. Його б нагодували і дали роботу десь біля свиней. А вже трохи згодом, за доносом свідків, нашого прибульця узяли б під арешт. Його спіймали б на тому, що він з ранку й на ніч не читає молитов, не так хреститься і не знає Символу віри, хоча запевняє, що сам православний. У протоколі спеціальної комісії було б зазначено, що «сумнітлива особа» була визнана носієм невідомої форми «поганського зловір'я». Таку людину, звичайно, чекали довгі катування та ганебна смерть. Наприклад, протестантів запорожці топили.

Сьогодні абсолютна більшість з нас навіть не підозрює про свою повну відірваність від національної духовної традиції. Милуючись архітектурою українських храмів, ми й гадки не маємо, що там відбувається. Ми не знаємо, що таке таїнство та обряд. Не можемо назвати основи віровчення і не знайомі з церковним життям. Ми не маємо православного світогляду і максимум на що здатні – освятити сало на Пасху. За таких обставин вижити в козацьку епоху було неможливо.

Тоді людина мусила чітко визначитися стосовно власної віри і своєю поведінкою підтверджувати зроблений вибір.

На територіях війська запорізького проживання іновірців без спеціального дозволу суворо заборонялось. Можна було придбати документи, вивчити чужу мову та звичаї, але видати себе за православного майже неможливо. Православ'я пізнається зсередини. Запорожці могли викрити іновірця практично одразу. Під час простої розмови православний оперує специфічними поняттями, які відомі тільки своїм.

Віробайдужа людина в принципі не могла прижитися серед січового лицарства. Щоденний побут запорожців підкорявся церковним вимогам, які неможливо витримати поза вірою. Спільне життя в казармі не дозволяло приховати своїх уподобань. Тут кожного було видно. Ніхто не міг уникнути виконання щоденних молитовних правил та церковної служби. Спільне харчування не дозволяло порушувати православні пости, які займають майже половину календарних днів. Запорожці мусили добровільно утримуватись від статевого життя на протязі багатьох років і часом довічно. Окреме проживання в паланках постійно контролювалось і часто було більш суворим, аніж у самій фортеці.

У січовій церкві правилось щодня за чернечим чином. При читанні Євангелія козаки до половини виймали шаблі з піхов на знак своєї готовності захищати Православну віру. Вони любили порівнювати себе з мальтійцями і багато в чому були справді схожі з релігійним орденом.

Подібно до будь-яких православних людей, запорожці відрізнялись один від одного рівнем власного благочестя. Однак кожен з них був відвертим носієм православного містичного досвіду. Січовий лицар не міг уникати головних церковних таїнств – сповіді та причастя. Інакше це одразу ж помітили і вжили б відповідних заходів. Тоді не було секретом, що приймати причастя без страху Божого та віри небезпечно для життя. Отже, залишалось або щиро прийняти віру, або тікати геть.

Вивчати українську історію поза православним розумінням немає сенсу. Не можна логічно пояснити вчинки людей, які замість державності та добробуту шукали вічного спасіння.

Між нами та козацькою культурою пролягає не просто час, а радикальна різниця принципу буття. Освічений сучасний інтелігент міг би вразити запорізьку громаду своїм «ското-подобієм». Суспільство, яке ми створюємо, з точки зору запорожців, це світ «бісоводімого народу». Наш закон про релігію та фантазії стосовно прав людини могли викликати у кошових товаришів бажання різати всіх підряд.

Для степового лицаря земне життя було тільки мистецтвом помирання заради життя вічного. Коли одного разу запорожцям довелось супроводжувати звільнених з кримського полону православних українців, частина людей зажадала повернутися назад. їм сумно було покидати місця, до яких вони вже звикли. Запорожці відпустили бажаючих, а потім відрядили спеціальний загін і всіх винищили. Для них це був надійний спосіб врятувати християнську душу від вічної загибелі. Козаки свідомо йшли на цей гріх, поступаючись своєю совістю заради спасіння ближнього. Глянувши сьогодні на український хрещений люд, який забув, де храм стоїть, вони зробили б з нами те ж саме, проливаючи при цьому гіркі сльози.

В одному селі під Києвом збереглася старовинна козацька церква. Вона діяла без перерви понад трьохсот років. Але з двох тисяч дворів на недільну службу приходить не більше десятка старезних пенсіонерів. Навряд це можна списати тільки на радянську владу. Може, ми здавна мріяли бігати за комсомольцями, тільки боялися козацького гніву.

Незважаючи на церковне відродження та активну відбудову храмів, загальна кількість практикуючих православних в Україні лишається мізерною.

Нам страшно йти за козаками, бо як сьогодні утопити протестантів, всі води вийдуть з берегів. Уже не сяде мученик за віру на палю обабіч дороги. Там тісно від голих дівчат. Ми уже не можемо наздогнати останнього п'яничку січового, що читав акафісти напам'ять. Коли криваві розбишаки співали на кліросі псалми – дух степової фортеці лякав лукавих за морями.

Тепер вже нікого боятися. Ми хочемо спокійно жити за своїми поняттями, де Бог, наче казка, церква, як пейзаж, і козаки, як залишки народного фольклору.

ПРЕСТОЛЬНАЯ ОДА

Московия нуждается в сочувствии. Ей не суждено повзрослеть. Она обречена пожизненно оставаться неуравновешенным подростком, которому не терпится быть значимым. Её отношения с Киевом – это типичный конфликт капризного малолетки с терпеливым родителем.

Каждый москвит на клеточном уровне помнит о своём происхождении, и его любовь к Малороссии больно переплетается с претензией на место хозяина в родительском доме. Как и всякий жаждущий взрослости ребёнок, Московия примеряла мамину бижутерию, пробовала косметику, облачалась в отцовские одежды, хвасталась его старыми наградами и воровала в пыльном кабинете запретные книги с картинками.

Любой психолог знает, что это нормальное явление. Когда человек хочет быть на кого-то похожим, он начинает с присвоения его личных вещей, подражает его голосу, жестам и потом уже не видит разницы между собой и объектом подражания. Стоит кому-то подчеркнуть: *«Я – киевлянин»*, – москвит тотчас пожимает плечами и задаёт вопрос: *«А в чём разница?»* Несмотря на очевидные различия, Московия давно утратила способность их замечать. Логика и здравый смысл здесь не работают. Только глубинные образы, рефлексy и чувства.

Вся история Московии – это нагромождение подростковых комплексов, погоня за несбыточной мечтой быть взрослой, уважаемой личностью, имеющей собственных детей. Игнорируя неразвитость своих детородных органов, она активно играет в «дочки-матери» со всеми, кто её окружает. Ей тяжело смириться с мыслью, что она всего лишь часть плодотворной жизни славянской империи Киевской Руси.

В понятии «великоросс» скрывается избалованный недоросль Митрофанушка, которому остро хочется чего-то очень взрослого, например женитьбы. Московия постоянно бросается в тинейджерские крайности, периодически увлекаясь иностранщиной, вызывающими, яркими аксессуарами гигантомании, спиртной бравады, суицидной демонстративностью и надругательствами над родительскими святынями, привычками и традициями. Порывы её незрелых страстей изредка сменяются любовным экстазом и уважением родительских прав.

Киевская Русь всё принимает как должное, снисходительно любясь своим буйным ребёнком. Она безропотно отдавала ему всё, что он просил, незаметно делала щедрые подарки и даже освоила его молодёжный сленг.

Когда Московии запретили безраздельно хозяйничать в родительской комнате, она вдруг ощутила дискомфорт. Делёж семейного имущества понятен ей только на уровне юридических умозаключений, но абсолютно неприемлем на уровне духовном. Правдами и неправдами она продолжает рваться в запертые апартаменты и требует к себе внимания. Но Русь хочет другого. В её солидном возрасте воспитание несовершеннолетних – занятие утомительное и опасное. Она намеревается пожить немного для себя, покуда дом ещё не сгорел от пиротехнических фантазий молодого любознательного экспериментатора.

Что из этого всего выйдет? Киеву придётся нести ответственность за тех, кого он создал и выкормил. Московия же будет по-прежнему стоять на его пороге и дышать в затылок перегаром. Обладание костями былинного Ильи Муромца стоит недёшево. Справедливо размахивая счетами за коммунальные услуги, Московия получает некоторое удовлетворение. Но семейные дразги – процесс бесконечный. Наследникам необходимо иметь наследство и родословные документы. Поэтому у Киева небогатый выбор. Чтобы сохранить своё достоинство, он обязан соответствовать своему легендарному прошлому. Имперский дух его престола снова должен протягивать взоры.

Внезапное возрождение Киевской Руси накануне третьего тысячелетия следует воспринимать как мистический феномен, которому надлежит сыграть колоссальную роль в новой мировой истории.

Этого пока никто не ощущает. Киев ведёт себя глупо, скучно и безобидно. Тем не менее это всего лишь видимость.

В скором времени Киевскую Русь ожидает мощный духовный взрыв. Подкреплённый диктатурой разума, он сметёт всё наносное и одряхлевшее. Престольный город станет генератором новых чувств, в орбиту которых будут втянуты многие европейские народы. Московия, как и прежде, будет выполнять функцию могучего спутника, покорного непреодолимой силе притяжения киевских вершин.

Вопреки своему желанию нам не избавиться от предначертанной миссии. Способ, которым мы обрели независимость, отчётливо указывает, что мы не выбирали своей судьбы. Это она выбрала нас.

Восстание киевской духовной империи приурочено грядущим геополитическим передвижкам, в которых ведущую роль будут играть не техногенные монстры, а энергетически планетарные центры, одним из которых является Киевская Русь.

Мы не можем точно знать, как это будет происходить, но это произойдёт неизбежно. И нет смысла копаться в библейских пророчествах. Вечные города не задают вопросов, они только отвечают. Пусть наши ответы терзают маленьких – это поможет им сделать открытие.

ВРАГУ НЕ СДАЁТСЯ НАШ ГОРДЫЙ НАРОД

Змей Горыныч – любимое животное украинского заповедника. Мудрому китайскому дракону с ним трудно тягаться, а дикому русскому медведю – тем более. Эта могучая рептилия, игнорируя сказочные стандарты, имеет не три головы. Несмотря на своё простодушие, наш Горыныч – существо достаточно умное: предусмотрительно вооружившись головой каждого украинца, он обеспечил себе относительную безопасность. Он прижился у нас со времён татарского нашествия или раньше – с того самого момента, когда мы осознали, что истинное равенство – это коллективный беспредел, а право народного обычая – лучше всякой другой законности.

Украинцы генетически отрицают государственность. В неясных границах степной вольности мы столетиями укрепляли свой дерзкий дух и всякий раз, когда кто-нибудь пытался нас вытянуть оттуда за чуб и приучить к нормальной европейской жизни, мы упирались, хитрили и всё делали по-своему.

Чтобы скрыть тайну украинской природы, мы разыгрываем роль несчастной жертвы, которой мешали построить своё государство всякие нехорошие агрессоры. Когда запорожцы, укрываясь от поборов и уклоняясь от повинностей, готовы были отказаться от женитьбы, детей, домашнего уюта, о какой государственности могла идти речь? Мы всегда представляли собой общество коллективной деспотии и вместо конкретных тиранов предпочитали режим анонимной диктатуры. Традиционно украинская демократия отличалась народной круговой порукой, а государственность в её классической форме нам приносили только наглые соседи.

О собственной государственности мы позволяли себе рассуждать исключительно теоретически, для отвода глаз. Но когда судьба прижала нас к стенке и заставила всё же принять её атрибуты, украинцам сделалось дурно.

Как природные властелины, мы не желаем обременять свою жизнь властью механической. Чтобы каждый украинец имел отношение к безграничной власти, мы приняли новое правило негласного общественного договора, позволяющее игнорировать державную жизнь. Сочиняя самые жуткие законы, мы доказываем себе, что всякая государственность враждебна разумному человеку. Законодательный абсурд развязывает руки и делает нас воистину свободными. Поэтому мы полностью гармонизировались с нашим правительством.

Поголовно уклоняясь от налогов, мы никого не смеем осуждать. Все – от президента до базарной торговки – находятся в заговоре против ненавистного государственного бремени. Как в старину, мы все ворует и честно делимся добычей. У нас каждый имеет возможность осуществлять насилие согласно вдохновению. Кто-то предпочитает открыто обвешивать покупателей. Кому-то нравится безнаказанно избивать окружающих милицейской дубинкой и даровать при этом княжеские милости. Можно не платить за квартиру, грабить банки, пить водку с налоговым инспектором, раздевать проезжих на границе и крутить дули каждому, кто не понял, что значит свобода.

Чтобы как можно больше украинцев ощутило свою царственность, мы включили механизм непрерывной смены руководства, придерживаясь исконной традиции ежедневной смены казацких старшин.

Украина – страна массовой аристократии. Плебеи проживают только за границей. Сопrotивляясь порядкам так называемого цивилизованного мира, наш коллективный украинский деспот использует все доступные средства, удачно камуфлируясь под европейского дурачка.

К сожалению, украинское счастье не может длиться бесконечно. Навязанная нам государственность делает свою чёрную работу. Рано или поздно мы трансформируемся в скучных швейцарцев или немцев, чья жизнь – сплошное стукачество на ближнего. Когда в Швейцарии кто-нибудь поставит велосипед не там, где положено, первый попавшийся гражданин, заметивший это, тотчас звонит в полицию. Это стандартное поведение дрессированного европейца. Ещё до недавних пор оно было омерзительно для нашего благородного народа. Но теперь, под давлением внешней пагубной среды, мы рискуем деградировать. Чего доброго, у нас возникнет *«правава держава»*, о которой мы любим говорить только для вида, и тогда мы узнаем, что значит жить в пространстве полного бесправия. Россияне с их смешным *«кріпацтвом»* будут казаться ангелами.

Веками избегая регламентированной жизни, мы имели возможность наслаждаться ценностью собственных душевных порывов и философской лени. Раньше мы могли оправдаться виноватыми *«чужинцями»*, а теперь мы будем вынуждены наступать на горло самим себе, и у нас не будет оправданий. Цивилизованное государство убьёт наше всеобщее творческое властное насилие, и мы перестанем мыслить по-царски. Когда нам приходится думать над размерами взятки, мы лично осуществляем политику разумного налогообложения. Это позволяет нам чувствовать себя не безмозглыми винтиками абстрактного государства, а быть конкретными властелинами своей территории. Во Франции только король мог сказать: *«Государство – это я»*. У нас это – привилегия каждого.

Какое моральное удовлетворение может испытывать работник ГАИ, если он не имеет права сказать водителю, что у него глаза не того цвета? Народные налоги обогащают народ, а государственные только разоряют и унижают граждан. Казак нуждается не в государстве, а в привилегиях. Украинец привык быть вооружённым и лично свободным. Он не умеет платить подоходные налоги. Это государство обязано платить ему за то, что он умный и красивый. Когда мы получали жалованье от шепелявых поляков и пьяных москалей, всё было нормально. А теперь что делать? Где найти источник чуждой нам государственности, который будет нас финансировать за то, что мы ему морду не набили?

Сегодня земля уходит из-под ног. Подлое европейское сообщество заставляет нас, утончённых степных рыцарей-поэтов, сооружать тёплые платные туалеты, хотя вокруг достаточно зарослей экологически чистой кукурузы. Даже косоглазые друзья рискнули нас учить, на какой машине нам кататься. В общем, ничего хорошего впереди не предвидится. Единство наших коррумпированных рядов может пошатнуться, и власть украинской народной деспотии окажется под угрозой.

СЕЛЕКЦИЯ УГРОЗОЙ

Мужчины, не способные отвечать за свои слова, не смеют называться баями, беками и ханами – они просто скромные дехкане. Однако скромность в условиях современной демократии считается недостатком, и господский титул примеряет всякий, кто остался без призора. С некоторых пор украинское общество утратило иммунитет к лидерам низкого качества.

Неустанно повторяем, что мы – дети казацкого рода, но нас, почему-то, не смущает тот факт, что члены запорожского рыцарского круга детей старались вовсе не иметь, тем более таких, как мы. Если бы хоть один запорожец появился сегодня где-нибудь на улице – современная публика наложила бы в штаны от страха. Какой там «Беркут», какая «Альфа»! Даже выдавшие виды современники ужасались этому легиону экстремистов и высказывали своё сочувствие их старшинам. Ведь занимать какую-либо должность в пределах степных вольностей было смертельно опасно.

Казак – это не гопак, а (согласно научному определению) лично свободный и вооружённый мужчина. Подчиняться случайным людям было не в его правилах. Поэтому в основе школы запорожского лидерства лежала прямая угроза. Прежде чем выпячивать грудь и раздвигать щёки, запорожец задавался вопросом: «А не тонка ли у меня кишка?» Исходя из многочисленных примеров, он знал, что завоевать здесь доверие общества и не оправдать его – означает верную гибель.

Каждый казак, решившийся выделяться своими достоинствами из общей массы, рисковал быть избранным на должность. При этом его согласия никто не спрашивал. Отказаться от предложенной чести можно было только символически, не более двух раз. Если кандидат начинал упираться по-настоящему, то, в лучшем случае, его могли сделать инвалидом, чтобы впредь не выдавал себя за крутого.

Принимая должность на годичный срок, запорожский лидер буквально ходил по лезвию ножа. Сотни глаз внимательно следили за каждым его движением. Малейшее нарушение действующих законов, или коллективных представлений о справедливости, немедленно бралось на заметку. За редким исключением, до окончания положенного срока должностное лицо считалось неприкосновенным. Но после очередных перевыборов грешное руководство кончали на месте. За теми, кто уцелел, пожизненно оставалось почётное право носить звание «Бывший кошевой» или «Бывший судья» и т. д. Это служило своеобразной компенсацией за вредность и проявленное мужество.

В то время в Украине даже самый признанный и сильный авторитет не мог чувствовать себя в безопасности. Богдан Хмельницкий, к примеру, носил под шапкой бронированную мисюрку. Потому что друзья-товарищи периодически норовили проломить ему голову в собственных апартаментах.

Украина была обществом вооружённых мужчин, и лидер получал обратную связь не газетными публикациями, а свинцовыми шариками. Это обязывало. Продуктивно работая на благо коллектива, казацкая старшина не расставалась с булавами и перначами, чтобы в любой момент принять критику народа.

Лидеры той эпохи были достойны своих избирателей. Сегодня тоже достойны, но качество избирателей другое. Лишившись права на владение оружием, наши мужчины изменились конституционально. Если раньше, вступая в диалог, украинец хватался за саблю, то сегодня он может хвататься только за сердце. Скорость выстрела мы заменили дальностью плевка. Лидеры не боятся возмездия. Беззащитность мужской массы разложила нацию. Мелочность угрозы определила новое качество элиты и, соответственно, нашей жизни.

Горе не в том, что у нас начальство слабое, а в том, что мы не разбираемся в нарезном оружии. Американской элите нетрудно оправдывать доверие народа. Там, где хранится 20 миллионов снайперских винтовок, иначе и быть не может. Ведь дело здесь не в политических убийствах, а в ощущении реального права личности на защиту своей жизни, чести и достоинства, минуя посредников. То, что нельзя защитить, люди предпочитают не иметь. Поэтому малейшее посягательство на личное оружие в США воспринимается как посягательство на всё, что есть у человека. Готовность индивидуума в любой момент превратиться в вооружённую оппозицию определяет степень его социальной полноценности. Чего можно ожидать от нации, когда в мужчинах воспитывают комплекс вины за естественное желание потрогать парабеллум? Ничего, кроме покорности тупого стада.

В результате юридических ухищрений украинский мужчина стал похож на петуха, которому отрубили клюв и вырвали шпоры. Имея право на протест (согласно Конституции), он не имеет права на оружие (за исключением охотничьего). То есть жениться можно, но секс запрещён. Украина – территория старых демократических традиций. Здесь понятие свободы было неотъемлемо от права владения оружием. Нет оружия – нет угрозы и, соответственно, нет смелых лидеров и прогресса. А самое главное – у нас нет чувства собственной значимости. Мы живём по законам, отрицающим нашу генетическую память. Отсутствие селекции угрозой опустило каждого из нас. Мужчины стали бояться того, чего раньше не боялись женщины и дети. Мы все разучились отвечать за свои слова и делаем вид, что так и было. Но так не было. И, возможно, не будет, если товарищ маузер поддержит нашу беседу.

СНАЙПЕРЫ «ЧЁРНОГО ГЛАЗА»

В российской глубинке люди имеют привычку ходить большими колоннами, хором играя на гармошках. Они это делают часто и без всякой причины, просто для поднятия аппетита. Зрелище грозное, если учитывать их любовь к ядерному оружию и водке. Кроме того, все они порядочные токсикоманы. Куда бы ни пришли, повсюду чувствуют русский дух. Желая обнюхаться сладким дымом Отечества, они с удовольствием поджигают свои сараи и чужими не брезгуют. Для них там что-то Русью пахнет. Типичная болезнь имперской нации.

Украина же не знает подобных страстей. Слепые кобзари не умеют ходить шеренгами. Глас вопиющего в пустыне церковным хором не исполнишь. Ведь наше хуторянство – это не домик, стоящий на отшибе, а стремление жить в одиночку. Когда-то мы были общиной индивидуалистов и нас боялись соседи. Теперь наше общинное чувство пропало и мы боимся самих себя.

Отчего это случилось, объяснить трудно. Возможно, свойство грунтовых вод вызывает у нас омерзение к ближнему. А может, наши бабы постарались. Не зря Гоголь в каждой ведьму видел. Действительно, рязанскую никто не встречал, а конотопскую все знают.

Всеобщее умение украинцев наводить порчу друг на друга заметно в работе парламента. Там нет агрессии, свойственной наивному русскому медведю, но есть особая злоба *«доброї людини»*. Мы, действительно, выбираем лучших, как мелкие бесы, точно чувствуем своих магистров.

Остаётся загадкой, как хитрому чиновнику Польского королевства удалось нашу ведьмовскую ораву превратить в стотысячный железный поток и довести до Берестечка. Неужели отголоски общинного духа ещё имели силу? Впрочем, стоило Богдану только отлучиться, и мы сразу очнулись. Все так быстро разбежались вдоль болота, что удивлённые поляки до сих пор крутят пальцем у виска.

Видимо, в тот период нам заменяли общину харизматические личности. Сила их притяжения временно ослабляла несовместимость украинских характеров. Теперь нам это не грозит. Мы извели харизматиков *«домепним гумором»*. В самом деле, кому они здесь нужны? Каждый украинец сам себе гетман. Коллективные мероприятия ему противопоказаны. Недавно мы сходили на похороны и все вернулись с битыми мордами. Говорят, у русских такое на свадьбе бывает. Впрочем, их можно понять: они измучены горячей любовью к сербам.

Иное дело мы. Нормальный украинец один в поле воин. Он не признает понятия «свой», но «своё» уважает безгранично. При этом мы равнодушны к чужому.

Жить без общины комфортно. Зачем искать врагов за границей, когда они рядом – в соседней квартире? Жаль, что приходится делать вид, будто мы строим своё государство. Много столетий нам удавалось избегать этой проблемы, но злая судьба прижала нас трезубцем и не дает морочить голову «гармонистам».

Имитировать общину сложно. Благодаря многообразию природных талантов, нам кое-как удаётся это делать. Но в Европе уже заподозрили, что мы не дураки. Нашему коварству грозит разоблачение.

Скоро все поймут, что Украина – центр мирового одиночества, где нет интересов и не ждут союзников. Мы лепим вселенскую дулю, но показывать её жадничаем. Сами любуемся своим шедевром...

Под давлением обстоятельств нам пришлось вспомнить родную историю. Там есть герои, достойные внимания, но что-то нас влечёт помочиться на их постаменты. Терпеть не можем убеждения. Всё раскололи, размазали и раздробили. Ни за кем не пошли, никого не поддержали. Здесь каждый «стреляет» о чём-то своём – очень интимном и глубоком.

Снайперы «чёрного глаза» не знают усталости и сна. Не дай Бог такому народу разом плюнуть в одну сторону: Гималаи содрогнутся и Атлантида всплывёт.

Отсутствие общей веры украинец компенсирует персональной мистикой. Он так закопался в себе, что от скуки может сходить на выборы или сдуру выдвинуть свою кандидатуру. Он заранее знает, что толку не будет. Ведь его голова перегружена поиском смысла собственной жизни. Своими выводами он делится на любой трибуне. При этом, заметно, что смысл чужой жизни его абсолютно не интересует. На такие вещи у нас не обижаются. Здесь никто ничего не слушает. Мы все имитируем: внимание, возмущение, интерес – и только злость всегда натуральна.

ДОКЛАД БЕЛОГО ДОКТОРА

Когда назойливая муха влетает в нашу комнату, нам трудно увидеть в этом чудо. Хотя из школьного курса биологии мы знаем, что если бы всё потомство одной мухи выжило, то массой этих насекомых покрылась бы вся планета. И весьма толстым слоем.

Чем примитивней биологическая структура, тем выше скорость её воспроизводства. Эта закономерность особенно ярко проявляется в микробиологии. Невероятная скорость размножения вирусов и микробов выглядит впечатляюще, и только их неустойчивость во внешней среде и крайне малые сроки жизни сохраняют необходимый баланс и спасают мир от биокатастрофы.

Чем сложнее и совершеннее биологическая структура, тем слабее интенсивность её воспроизводства: удлиняется срок беременности и уменьшается количество новорождённых. Например, мелкие грызуны плодятся в большом количестве при коротком сроке внутриутробного развития. А у слонов срок беременности превышает два года, и рождение более одного детёныша является чрезвычайной редкостью.

Не избежало в чём-то подобных закономерностей и человечество – общность высокоорганизованных существ, живущих в различных условиях. В то время как большинство передовых стран с европейским населением испытывают демографические проблемы, во многих странах Африки и Азии, несмотря на низкий уровень жизни, наблюдается необычайно высокий прирост населения. Любители «занимательных» расовых теорий приводят этот факт в качестве неоспоримого доказательства превосходства белой расы над всеми остальными. Оставим это на их совести. И всё же уровень рождаемости и смертности в африканских странах только ли тем объясняется, что это типичное проявление саморегуляции биологических структур, стоящих на более низкой ступени развития.

Если бы интенсивность процесса размножения в Африке определялась только проблемой выживания, то существовала бы определённая константа соотношения рождений и смертей и её величина была бы в какой-то мере сопоставимой с существующей в Западной Европе. Но рождаемость в Африке значительно превышает смертность. Та же картина наблюдается и в странах Азии. Социологи, столкнувшись с этим явлением, пока не способны его объяснить. Все существующие версии звучат неубедительно.

Если чрезмерную плодовитость считать признаком примитивности личного развития, тогда как можно объяснить феномен Менделеева, родившегося в семье шестнадцатым. Считать её следствием культурных и религиозных традиций тоже нельзя. Несмотря на одинаковую склонность к высоким темпам размножения, разница между китайцами и африканцами слишком велика. Но связь здесь, на мой взгляд, всё же есть.

На всех территориях, где происходит мощный демографический взрыв, наблюдаются откровенно низкий уровень жизни, отсталость общества. По моему мнению, причиной этому отнюдь не биологические свойства отдельных представителей той или иной расы. Суть в содержании коллективного сознания целых этнических групп. Например, несмотря на то что славяне – белые европейцы, они умудрились столетиями упрямо сохранять отсталую Российскую империю с поразительно низким уровнем жизни.

Высокая смертность в дореволюционной России сопровождалась высокой рождаемостью, при этом многодетность была свойственна всем слоям населения, от крестьян до аристократов.

Другими словами, развитость этнической группы определяется не наличием гениальных ученых, великих поэтов и утончённых царей, а реальной продуктивностью коллективного сознания и его способностью создавать передовые устойчивые социальные системы.

Новейшие технологии в сочетании с высоким уровнем жизни могут быть единственным убедительным свидетельством коллективного биологического совершенства.

Уже давно доказано, что любой психически здоровый индивидуум, независимо от расовой принадлежности, является полноценным представителем популяции *Homo Sapiens*, но очевидно и другое: этнические группы, объединяющие индивидуумов, представляют собой макробиологические структуры, существенно отличающиеся друг от друга.

Чернокожий полицейский, проживающий в Нью-Йорке, может быть прекрасным собеседником, тонким ценителем классической литературы, чистоплотным человеком, идеальным законопослушным гражданином. Но если кому-то захочется посетить места компактного проживания чернокожих граждан Америки, увиденная картина будет ужасающей.

Компактное проживание – чудесный показатель макробиологического качества этнической группы. Аргументы в защиту цветных гетто вроде: бедность, безработица, социальное дно, отсутствие перспектив, невозможность вырваться – совершенно несостоятельны. Если кому-то захочется высадить самых бедных, ленивых, необразованных, но коренных голландцев на диком африканском побережье, в результате возникнет что-то вроде ЮАР.

Но если мы сегодня обратим взор на арабские кварталы чистоплотного Парижа, то увидим жуткий образец человеческого общежития, противоречащий нормам европейского бытия. Даже сердце европейской цивилизации не может изменить макробиологической сущности чуждых ей этнических групп.

Любая макробиологическая структура по-своему ограничена и не способна выходить за пределы собственных возможностей. Это подтверждается каждой строчкой мировой истории.

Когда этнической группе в новых исторических условиях начинают «угрожать» чужие возможности и собственная ограниченность, недостатки коллективного сознания активно компенсируются количественными «достоинствами». А именно: высокий уровень рождаемости позволяет нарастить биологическую массу этноса, что, в свою очередь, является залогом его безопасности.

В своё время отец Менделеева, как и большинство его сограждан, выполнял коллективную программу этнического роста, что впоследствии позволило обитателям бывшей Российской империи благополучно пережить последствия революционных перемен и дало возможность забросать собственным «мясом» высокопрофессиональную военную машину Третьего рейха.

Современную «экономическую» эмиграцию в более развитые страны можно рассматривать как проявление этнической агрессии, обусловленной стремлением отчасти и к паразитарному существованию внутри более совершенных макробиологических структур. В невинном желании человека уехать за границу нет ничего страшного, но когда компактно проживающие цветные эмигранты превращают Париж в Каир, вряд ли это можно назвать явлением прогрессивным. Вообразите себе Киев, разбитый на этнические кварталы, где немногочисленные природные украинцы прячутся в районе Крещатика. Интересная перспектива, не правда ли?

Запоздавшая дискуссия европейских социологов по этому поводу уже началась, но конструктивных предложений пока ещё нет и, возможно, не будет. Европа оказалась заложницей собственных передовых гуманистических идей и правовых государственных систем. Возрастающая волна цветной эмиграции в европейские страны в скором времени может перерасти в цунами. Защитники прав человека пока не могут осознать, что в настоящий момент европейская цивилизация имеет дело не с отдельно взятым цветным академиком, а с чужеродным этническим сознанием, «вооружённым» огромными человеческими ресурсами.

В последние несколько лет в Украине смертность превышает рождаемость. Но это не является свидетельством вымирания нации. Видимо, украинский этнос избрал новый каче-

ственный путь развития. Наши юноши и девушки не торопятся заводить детей, а садятся за изучение иностранных языков и новейших компьютерных программ. Новое поколение жаждет семьи не многодетной, а богатой и респектабельной. Когда обновлённый украинский этнос начнёт сверкать как новая копейка, в его дом обязательно начнут ломиться нерадивые соседи.

Может быть, кто-то считает, что это вполне нормальное и закономерное явление. Возможно. Но есть одно «но». Богатство разграбленной Киевской Руси монголов не изменило. Они всё равно вернулись к родным кочевьям. Когда классическая европейская культура утонет в этническом нашествии, Тунис, Марокко, Китай, Вьетнам, Алжир, Конго и им подобные будут продолжать жить без существенных изменений. Только Европы уже не будет.

ПРЕДЕЛЫ РАЯ

Свобода, как змеиный яд, полезна только в малых дозах. Человеческий разум не приемлет абсолютной свободы. Он способен развиваться только в режиме ограничений, потому что в основе всякого познания лежит жажда недоступного. Нам хочется всё, чего НЕЛЬЗЯ. В своё время Бог оценил это качество. Чтобы Адам не умер идиотом, он придумал запретный плод и едва не отбил ему почки за первый академический подвиг. Таким образом был обеспечен непрерывный прогресс.

Социологи отметили, что многие жители бывшего Советского Союза с наступлением демократического бардака внезапно перестали читать книги. Даже кредитоспособные люди утратили интерес к приобретению новых, доселе недоступных изданий. О периодике и говорить не приходится: её потребление упало до ничтожного уровня. Самая читающая страна покинула библиотеки и уставилась в телевизор. Лёгкое, непритязательное чтиво заполнило книжные прилавки и заняло первое место в литературном рейтинге. Можно сказать, что в постсоветском пространстве разразилась интеллектуальная катастрофа.

Причиной всему – отсутствие запретного. Ничем не сдерживаемый поток информации мгновенно обесценился. Наше сознание утратило важнейший стимул активного развития, исчезло вождеденное НЕЛЬЗЯ.

Разум человека настроен на автоматический поиск запретного. Наше подсознание регулярно сортирует информацию. Всё, что имеет свободный доступ, воспринимается как нечто несущественное. Информация же запрещённая и тщательно скрываемая ассоциируется со сферой существенного и определяет содержание наших приоритетов.

Свободный доступ резко снижает остроту восприятия. Нам трудно вспомнить таблицу умножения, потому что за неё не сажают в тюрьму. Всякий запрет – это сигнал к его изучению.

Длительная хроническая нехватка свободы позволила нам создавать уникальные театральные школы, шедевиальный кинематограф, непревзойдённую анимацию, литературу с глубоким подтекстом и совершать мощные прорывы в фундаментальных науках. Давление тоталитарной системы превратило огромные массы населения в среднестатистических интеллектуалов, духовно противостоящих режиму. Неудивительно, что большинство простых жителей Запада по сравнению с нашими гражданами мыслят слишком упрощённо.

Всё, что развивается вопреки режиму, есть главный смысл его существования. В этом Божий промысел. К сожалению, мы не можем осознать истинных задач своего пути. Сегодня мы помним все разрушенные храмы, но стоит их восстановить – и мы тотчас о них забудем. Подобно детям, мы чувствуем, что всё официально дозволенное – это заведомая ложь, лишённая притягательности.

Чтобы воспитать большое количество безбожников, достаточно продавать Библию на каждом углу, читать проповеди по телевизору, устраивать коллективные походы в церковь и включить изучение Святого Письма в школьную программу. Чем больше учат любить Родину, тем больше появляется желающих её продать. Лозунг *«Пролетарии всех стран – соединяйтесь!»* – типичная провокация межнациональной вражды.

Каждый день советская пропаганда внушала нам, что негры – хорошие ребята. Демонстративная любовь к несчастному негритьёнку Максимке сделала нас самыми непримиримыми расистами в мире. И это при том, что живого негра многие в глаза не видели.

Нетрудно понять, почему британцы, расстрелявшие десятки тысяч безоружных зулусов, сегодня испытывают жуткий комплекс вины и отличаются завидной расовой терпимостью.

Любовь к запретному превращает любое противостояние во взаимную тягу. Регулярный семейный мордобой – типичный признак прочных отношений. Если кому-то уже не хочется бить жену, значит, пришло время разводиться.

Плохие немцы, создавшие Третий рейх так яростно осуждались за свои преступления, что мы буквально прониклись симпатией к ним. Кино про Штирлица – это практически признание в любви к чёрным мундирам СС.

Согласно высшему закону развития, каждое общество стремится совершить полную амплитуду духовного колебания. Демократия подсознательно тяготеет к насилию и диктатуре. В свою очередь, тоталитарные режимы провоцируют возникновение утончённых идеалов свободы. Это убедительно подтверждает сравнительный анализ элитарного и массового искусства двух противоположных социальных систем.

Чтобы спрогнозировать перспективу развития той или иной культуры, достаточно оценить её внешние, официальные формы. Садизм Римской империи закончился победой христианства. Пропаганда христианской любви к ближнему трансформировалась в костры инквизиции. Гуманистические идеи XVIII века увенчала работа гильотины. Набожная Российская империя увлеклась расстрелами священников. Теперь, наигравшись в массовые репрессии, мы возмущаемся робким произволом белорусского президента.

В Украине официальная установка на возрождение народной культуры порождает массовое презрение к «шароварщине». Чем настойчивей мы приучаем детей к традиционной вышивке и гончарному делу, тем больше они тянутся к изучению редких компьютерных программ и чтению российской классики.

И так будет продолжаться до бесконечности. Мы обязательно найдём что-нибудь альтернативное. Ведь лучше страдать от боли, чем от скуки. Это подсознательно чувствует каждый. Божественный закон суров: там, где не бывает запретного, кончаются пределы рая.

ЭРА ГЛУХОНЕМЫХ

Мы все герои индийского кино. Мы позволяем себе верить в невероятные истории, где добрые кухарки красиво управляют государством, где нищие легко становятся богатыми, где закоренелые бандиты вышивают салфетки крестиком и готовят нам подарки к Рождеству.

С тех пор, как деньги стали править миром, мы готовы поверить во что угодно, лишь бы заплатили гонорар. При этом действительность уже не пользуется спросом. Она обременяет нас, как давно лежалый товар.

В древности люди тоже любили деньги, но они не позволяли им безраздельно властвовать над собой. Тогда никому не приходило в голову, что социальное положение человека может определяться стоимостью рабочего времени.

Понятия «высший» и «низший» формировались согласно неизменному закону природы, где каждый рождается с конкретным предназначением. Хам не способен быть царём, а дельфин не может быть акулой. Люди постоянно разделялись на касты или сословия, не оттого что им этого хотелось, а потому что иначе было нельзя.

Многовековой опыт доказал, что священники, дворяне, крестьяне и бродяги отличаются не родом занятий, а принадлежностью к особой породе индивидуумов. Возможно, в скором времени учёным удастся вычислить генетический код царя или пролетария – достаточно задаться целью.

Говорят, что многое зависит от воспитания. И это справедливо, если воспитание направлено на развитие изначально заложенных качеств. Бессмысленно приучать природного крестьянина к оружию. В результате из него может получиться не благородный воин, а трусливый солдат. Человеку с рефлексам торговца нельзя навязывать духовную семинарию, ведь, кроме махинаций с лампадным маслом, его ничто не будет интересовать.

Представители «высших» могли себе позволить заниматься любым делом, свойственным низшим сословиям, но низшие не могли заниматься делом сословий высших. Это не имело отношения к чьей-либо прихоти. Для людей было совершенно очевидно, что «генетический крестьянин» лишён универсальности дворянина и в этой роли он крайне опасен для окружающих. Зато граф Толстой спокойно мог ходить за плугом, и это никому не причиняло вреда.

Классические образы идеального аристократа и крестьянина изобразил Сервантес в своём романе «Дон Кихот». Странствующий рыцарь и его оруженосец – это, по сути, два разных подхода к жизни, связанных между собой неразрывно. Когда хитроумный идалго кричит: *«Браво, Санчо! Приключение!»* – Санчо отвечает: *«Дай Бог, чтоб удачное!»* Дон Кихот не имел привычки терзаться сомнениями и поддаваться чужому влиянию: *«Напрасно или не напрасно – это уж дело моё»*. Санчо вёл себя иначе: *«Синьор! Нельзя ли дать мне два дня сроку, чтобы я подумал, как лучше поступить?»* Нельзя сказать, кто хуже – Санчо или Дон Кихот. Они оба хороши, потому что каждый находится на своём месте.

Сословное разделение было полезно тем, что исключало путаницу в социальных и личных отношениях между людьми. Признаки «генетического» благородства и утончённости обретали конкретный статус и полномочия. Естественный отбор согласно проявленным качествам устанавливал энергетическое равновесие всей человеческой биомассы. Хотя духовная и правящая элита могла подвергаться давлению низших сословий, она не являлась объектом их манипуляций.

Новые производственные отношения испортили всё. Деньги, сосредоточенные в руках низших сословий, начали «делать погоду». «Генетические» торговцы перекупили функции дворян: жирафы стали работать слонами, слоны – пингвинами. Все чувствуют, что это ненормально, но жажда зарплаты заставляет забывать обо всём.

«Биологический» беспредел буржуазной демократии спровоцировал культурные катастрофы. Благородных заказчиков и духовных гармонизаторов пространства стали называть пережитком прошлого. В результате этическая нормативность человечества подверглась резкой деформации.

На первый взгляд всё выглядит благопристойно: повсюду говорят о правах человека и устраивают питомники для бродячих животных. Однако люди – существа зоркие, и при всём своём желании не могут обмануть себя. Мы постоянно испытываем дискомфорт от неестественного поведения новых представителей общественной надстройки. Их декларации гуманистических идей выполняют роль обычного товара, который продают по мере надобности. Даже личная жизнь несортированной элиты приобрела коммерческий смысл. Мы ходим на выборы, как в пустой магазин, где нам предлагают остатки никому не нужных вещей. И мы вынуждены выбирать из того, что есть, глядя на заведомо лживую упаковку. Мы сознательно покупаем ложь, потому что правда никогда не лежит на прилавке. Наш низменный вкус – инструмент наших манипуляций. Торговцы подчиняются нам, как Обществу защиты потребителей.

Авторитарность денег лишила авторитета людей как таковых. К человеку могут прислушаться только в том случае, если он состоялся как товар. Разрушив качественные сословия, общество утратило ориентиры качественной жизни. Сегодня Санчо Панса имеет наглость поучать Дон Кихота. Конечно, благородному идальго нечему учиться у добродушных крестьян. Но крестьяне об этом не знают. Их сбивает с толку наличие крупных денег в своём кошельке. Они не понимают, что удачно про данная редиска не может уравнивать бульдога с носорогом. Дон Кихот не умеет слушать Санчо, а Санчо не желает слушать Дон Кихота. Мы превратились в общество глухонемых. Никто не способен сообразить, где мы находимся и куда продвигаемся. Объяснить уже некому. Тот, кто купил право голоса, сказать ничего не может, а тот, кто может, – утратил такое право.

КТО СМЕЕТ БЫТЬ НАШИМ НАЧАЛЬНИКОМ?

Все украинские начальники – люди с большой душевной травмой. Одно дело, когда украинец служит губернатором в России или управляет Канадой, и совсем другое, если он возымел желание управлять украинцами. Это уже диагноз. Иначе как объяснить, что в стране, где каждый чувствует себя Наполеоном или Клеопатрой, могут появляться особи с претензией на первенство.

На украинских просторах только инородец имеет право сидеть в кабинете с умным лицом. Начальник же местного происхождения обязан выглядеть карикатурно. Это единственный способ задобрить публику и получить призы в виде общественного одобрения и повышения по службе.

Ненависть к начальству у нас в крови. За всю историю Украины со времён татарского нашествия мы имели только одного авторитетного лидера, и тому норовили дать по морде. Богдан Хмельницкий, о котором идёт речь, носил булаву не только для красоты. Ему неоднократно приходилось отбиваться ею от своих соратников, страстно желающих вырвать ему чуб. Следует сказать, что это вовсе не из вредности. Просто мы знаем, что полноценным людям начальство без надобности.

Наше природное чувство собственного совершенства не позволяло нам выбрать из своей среды что-нибудь превосходное. Всё, что где-то может выглядеть превосходным, в нашей среде автоматически превращается в посредственность. Невозможность выбрать авторитетную личность привела к тому, что на каждом берегу у нас в своё время сидело по десятку гетманов и сотни полковников. В последнюю гражданскую войну Украина побила все рекорды по количеству правительств и независимых территориальных зон.

Можно сказать, что украинцы в этом отношении оказались европейским феноменом. Мы единственный народ, который может прийти к согласию с кем угодно, но только не с самим собой.

Всем, кто претендует на лидерство, нечего сказать нашему мудрому населению. И это не потому, что они дураки, – просто у нас количество умных так велико, что умному негде выделяться.

Трудно сказать, что заставляет отдельных людей проявлять упрямство и унижаться за право быть украинским начальником, ведь участь их всегда предрешена, исход, как правило, трагичен. Возможно, всему виной их извращённое представление о лидерстве и его ценности. А может, им просто заняться нечем.

Другое дело наши бизнесмены. Здесь лидерство соединяется с понятием хозяин. В данном случае ничего не надо доказывать. Количество созданных рабочих мест и уровень зарплаты говорят сами за себя. К хорошему хозяину у нас всегда испытывали зависть и проявляли интерес, втайне надеясь, что у него хата всё-таки сгорит. Когда же на горизонте возникает умный голодранец, объясняющий, как нужно жить, украинская душа закипает от злости, утешаясь при этом безобразным, глупым имиджем, которым украинцы привыкли наделять всякого выскочку.

Возможно, всё это началось ещё с убийства Аскольда и Дира, которых киевские заговорщики зарезали с помощью заезжих варягов, – чтоб неповадно было. А может, с традиций запорожских вольностей, где всякое должностное лицо находилось в полной зависимости от коллективных интересов. Шаг в сторону карался нещадно, и запорожский старшина мог лишиться своих почек сразу по окончании годичного срока.

Кто знает, может, именно эта традиция нуждается в бережной реставрации? Она могла бы отрезвить многих наглецов, которым невдомёк, что лидер – это не тот, который всем навязывается, а тот, за которым идут.

В настоящее время невозможно поверить, что такой человек может появиться среди наших буряковых полей. Во всяком случае, это должно быть нечто из ряда вон выходящее, некое восьмое чудо света, способное завоевать мозги хитроумных украинцев. Если учесть, что это никому не удавалось на протяжении многих столетий, то от очередных выборов ничего, кроме пустой траты денег, ждать не следует.

Сегодня ни одна украинская партия не имеет поддержки сколь-нибудь значительной части населения. Все, кто попадёт в новый парламент, как и прежде, будут выполнять роль социального тормоза. Глупо объяснять происходящее равнодушием народа к политике. Каждого замечают ровно настолько, насколько он проявляется. Скорее всего, гениальная украинская нация нуждается не в политических движениях, а в сексуальной революции. Это её, по крайней мере, могло бы развлечь. Но если кто-то всё же считает, что без парламента и мордатых начальников нам не обойтись, то следует прибегнуть к простейшей форме отбора, например насильственному водворению в кабинеты случайных граждан, пойманных на улице. Подобно всякому украинцу, любой из них легко справится с поставленными задачами. Главное, что их физиономии не будут отсвечивать нездоровым румянцем озабоченности. Им также не придётся тошнить ритуальными фразами о своей любви к Родине и смешно потрясать кулаком в сторону какой-то коррупции.

Может, тогда украинский культ непочитания начальства у нас выродится в простое сочувствие жертвам народного служения.

Как и положено совершенным людям, с некоторых пор мы сильно обленились и позволяем всяким занудам безнаказанно засорять эфир, портить газетную бумагу и государственную мебель. Люди, устроенные попроще, к нам уже не приходят на помощь. Варяги где-то растворились, москали ушли в свою Камариль. Наш осиротевший украинский разум остался наедине и с тоской глядит на себя в зеркало, не зная, от чего избавиться: от зеркала или от самого себя.

ПИСЬМО ПОСЛЕДНЕГО ТИРАНА

Поэма

Я не могу дожить до Рождества... Детям маленьким нужны мои подарки – барабанчик, дудка и флажок.

Пусть маршируют строем вдоль квартиры... Обычная забава в праздник... Пока родители нарежут колбасу, познают детки главное, наверно... что люди шествуют шеренгой и колонной, а стадом бродит только – тварь.

Я чувствую, мы сильно заскучили. Совсем народ от рук отбил... Люди хотят простого человеческого счастья – жрать на золоте и спать на унитазе...

Я разделяю искренне всё это – человека держу в одном месте, а счастье в другом... Населению положено мечтать. И скрывать в душе своё заветное. И молчать об этом на допросах. Только, где они – запретные мечты, если можно всё теперь – за деньги. Даже в космос пустят с кошельком. И это называется свобода?! Наивные. Что можем знать мы о слове «свобода», если забыли слово «никогда».

Я люблю народный героизм. Меня боялись в каждом доме, но говорили что-нибудь не так. Простому человеку был доступен подвиг. И каждый, кто шептался, считал себя героем... Глубоким смыслом был наполнен день, высоким чувством тешилось сознание. Страна, читая между строк, смеялась над моей неправдой. Меня считали эталонным подлецом, источником маразма и гордыни. Но каждый получал свою награду. И трепет плоти призывал к смирению защитников кухонных баррикад...

Я увлекался дерзостью народа, а он взаимно увлекался мной. Происходящее нам душу согревало... Человек был интересен и весел. Изнемогали мы от нравственной борьбы, мир наблюдал за нами удивлённо...

А что ж теперь, когда я не караю простых людей?

Всякое нелепое создание себя считает чем-то неземным, а персонаж незрелый – генералом. Но что стоит за этим – не пойму... Возможно, разница причёсок и кредиток...

При мне такого не бывало. Люди отличались разве что умом. За это их ловили и сажали. Индивидуальный ум, точнее, индивидуум, я содержал подальше от других, чтобы разница острее ощущалась.

Не оценили...

За что теперь сажают мой народ? За криминально скудную потеху? Сажают и зевают в потолок... Нет ярости, любви и вдохновенья.

Одичали люди как-то быстро. Ездят где попало, ходят кто куда. В телевизоре сидят амфитеатром и треплются о жизни «без трусов». Как будто большего они уже не знают. Раздуты щёки, с выкатом глаза, высокомерный тон; одни специалисты, стыда отсутствие, все знают, как нам быть и что не достаёт до полного блаженства...

Я снова убеждаюсь... Железной тачки нам не достаёт, кирки, лопаты, штольни и конвоя! Чтоб мама снилась, плач ребёнка, иконка бабушки, дыхание отца, простынка белая и мой портрет на стенке лучезарный...

Людей нельзя оставить без присмотра. Они всё путают, им надо объяснять, что на машину номер крепится обычный, а номер личный должен быть на «теле». Что на помойке жить должны собаки, а беспризорники – в военных лагерях. Что Библию, Коран и Камасутру на разных полках держат... А женщина без нижнего белья бывает только дома, в бане и в больнице.

Хотя кому я это говорю?..

Кругом теперь народные враги, вредители, шпионы, диверсанты! Им на потеху всё-таки досталось несчастное Отечество моё...

Где я один когда-то управлялся, теперь начальства тьма! И каждый царь – дворец, владенье, свита – всё напоказ! Суда никто не ждёт и ничего на свете не боится! Они врагов не давят в казематах, не трогают церквей, профессоров, не лезут в душу, в общем, безучастны, им наплевать, точнее, всё равно.

«Свобода» отобрала смысл жизни. Из гавани не выйдут корабли, моря просохли, кончились дороги. Остались только пиво и закуска – очарование суетных утех. Не различить теперь добро и зло. Всё получило равную прописку. В рядах колбасных...

Этот страшный сон ночным арестом следует нарушить – удары в дверь, мелькание бумаги, испуг соседей, глупый узелок, прощание влюблённых у порога... Пускай прорвётся бурная река – мужчин в казармы, женщин на заводы, нахальный вызов, равенство пайка, единство цели сомкнутой колонны и результат – окутанный легендой!

Пусть колокол, зарытый в огороде, молчанием пугает тишину. Пусть продолжают прятать от меня вручную переписанные тайны – ценою в жизнь! Пусть жатва полноценная наступит и в восхищение приходят небеса!

Мне одиноко Родину любить! Шинель украли, орден, пистолет, соратников заброшены могилы. Но Я вернусь! Ещё не поступала в продажу кровь моя. От горького лекарства проснётся совесть самых развращённых...

Я с нетерпением ожидаю Рождества!

КОМФОРТ ВРАЖДЕБНЫХ ВИХРЕЙ

Украинские политики – буйные эротоманы. Они обожают играть в девочек, которых всякие нехорошие дяди лишают невинности. О том, что девственность можно потерять только раз, правилами игры не предусмотрено, поэтому этот таинственный процесс каждый стремится пережить многократно.

Ежедневно, открывая газету или включая телевизор, можно узнать очередную гадостную новость о какой-либо украинской партии, политической фигуре или чиновнике. Как правило, это разговоры о том, кто украл, чего и сколько; кто готов продать Родину целиком или по частям, и о том, кто берет на себя слишком много.

Всю эту чушь у нас почему-то называют компроматом, хотя в толковом словаре ясно сказано, что компрометировать – значит обесславливать или подрывать репутацию. Странно, неужели в нашем обществе есть политики, которых можно лишить доброго имени? Ведь любая бабка у подъезда вам уверенно скажет: *«Якщо людина начальник – значить, вона злодій»*.

Репутации порядочного человека у нас автоматически лишается каждый, вступивший на официальную должность. Судя по количеству грязи и взаимных обвинений, в нашей стране врагов народа больше, чем самого народа. При этом грызня украинских политиков протекает как-то очень вяло и скучно, без особой приверженности и фанатизма. Возможно, вечные поиски компромата утомили наших граждан. Ибо это чем-то напоминает гонку ядерных вооружений, когда оппоненты имеют за пазухой достаточно убийственных аргументов, но применять их по назначению часто не могут или не хотят, заранее зная о полной бесполезности такой войны.

Трудно представить украинского политика или чиновника, повесившегося в туалете на подтяжках с запиской в кармане: *«В моей смерти прошу винить оппозицию»*.

У нас никто не будет хлопать дверью, уходить в отставку, каяться или краснеть. Подобные вещи ни для кого не являются новостью или чем-то непонятным. Более того, быть официально признанной сволочью у нас почётно и доходно.

Спрашивается: какой же смысл в поиске компроматов? Секрет прост. Дело в том, что это значительно удешевляет борьбу за место под солнцем. Вам не нужно тратить средства на приобретение и рекламу своих достоинств. Достаточно обнажать чужие грехи, чтобы выглядеть более прилично на фоне умело опущенной серости.

Кроме того, известно, что наш народ привык голосовать только «против». Если ты хочешь победить, сделай так, чтобы люди голосовали против твоих конкурентов, и тем самым за тебя. Для этого, опять-таки, не нужно быть умным или красивым. Скорее, наоборот – нужно быть никаким.

В политике светиться конкретным качеством – значит вызывать полярность мнений на свой счёт и повод для раздражения. Причём достоинства могут раздражать так же, как и недостатки. Особенно в нашей стране.

Похвала способна принести противнику больше урона, чем негативный отзыв. Всё решает источник похвалы. Поэтому тот, кто ничем особым не выделяется, имеет шанс долго жить и процветать. В сознании большинства именно эта категория политиков представляет собой образец, достойный уважения. В самом деле, почему не любить людей, ворующих так, чтобы окружающим не было мучительно больно от «жабы», давящей на грудь.

Интересно, что бы случилось с нашим обществом, если бы все одновременно начали восторгаться друг другом? Трудно вообразить, чтобы каждый гражданин Украины с утра до вечера нахваливал президента, а он, в свою очередь, рассказывал, какой у него хороший парламент. Если же партийные лидеры взахлёб начнут расписывать достоинства других пар-

тий, настанет конец света. Наша психика подвергнется такой деформации, что вся страна превратится в дурдом. Народ потеряет главный способ самоутешения. Наша философская лень не будет иметь оправданий. Отсутствие зарплаты и личного автомобиля уже никто не сможет объяснить. Ужасная перспектива, не правда ли?

Другое дело – наша реальность, где всё просто и понятно. Например, выборы в парламент – это что-то вроде конкурса лучших негодяев, без которых мы не мыслим своего существования.

Являясь объектом всеобщего презрения, они помогают нам спокойно спать, – ведь если ты знаешь, кто виновник твоих несчастий, то обязательно испытываешь внутреннее облегчение, по-ому что присутствует ясность и тебе есть куда излить свою жёлчь.

Реформы и экономическое процветание никогда не смогут удовлетворить нас всех в полной мере, но задекларированный объект вины удовлетворит почти всегда. Кто знает, может быть, это влияние украинских степей, где врага было видно издали? А может, воздействие авторитетного Кобзаря, который писал: *«Не так тії вороги, як добрії люди»*.

Предусмотрительно избавившись от добрых людей, мы установили полную гармонию. Согласно заготовленным компроматам у нас все политики обычные, посредственные мерзавцы, а так как всех посадить или отправить в отставку невозможно, Украина стала абсолютно безопасным пожизненным пространством.

Неудивительно, что когда кто-то, зевая в кулак, в очередной раз разоблачает плохих граждан, мы одобрительно киваем в знак согласия и потихоньку засыпаем, удовлетворённые и безучастные.

Можно сказать, что это и есть подлинная забота о нашем душевном здоровье и благополучии. Мы имеем возможность и полное право ощущать себя умными, красивыми людьми, которых не пускает в рай прослойка злобных, алчных, коварных дуралеев. При этом никто не сидит в тюрьме, почти все живы и остаются при своих интересах. Надо согласиться с тем, что мы очень гуманное, развитое общество, где граждане любят и хорошо понимают друг друга.

Мы любим бурчать в своё удовольствие и, слава Богу, что нам создают для этого хорошие условия. Приятно, когда верхи могут предоставить народу именно то, что он хочет. Тем более, что это совсем несложно: достаточно выйти на трибуну и заявить, что все в дерьме, а я – в белом фраке.

ГОРИЗОНТ ВОЗМЕЗДИЯ

Когда украинские «вельможи» языком болтают – чувствуется, что все они должны болтаться на верёвках.

Уничтожение украинского правящего класса – это народная эротическая фантазия, с которой приятно засыпать, но страшно просыпаться...

Конечно, нас мучает совесть. Желать смерти ближнего – это грех. Трудно привыкнуть к мысли, что эти люди нам давно уже не ближние. И вряд ли существует разница между теми, кто нами правит, и лютым врагом, напавшим на Отечество.

Когда немцы топтали Украину, они были холёные, богатые, красивые, ловкие, любили своих детей и родителей, обожали Германию и очень хотели присвоить украинские народные ресурсы. Ну, прямо как наши олигархи! Тоже холёные, богатые, красивые, ловкие, любят своих детей и родителей, обожают Германию и прочие курортные места. Они присвоили украинские народные ресурсы. Обратили население в рабов, покрыли страну руинами и выжимают последние соки из всего, что ещё дышит.

Так же, как в дни оккупации, по улицам летают иномарки, открылись кафе, рестораны и барахолки, разрешили Богу молиться, проводят спортивные игры, концерты и ходят в оперный театр... Только миллионы людей пропали куда-то и уже не возвращаются...

Следует должное отдать – всё, что не удалось могучей германской машине, легко провела местная сопливая шпана. Та самая, которая в пионерском лагере с нами из одной миски хлебала.

Неужели эти граждане с детства мечтали «шарить по карманам» и открыто мочиться на головы людям?

Конечно, нет!

На Нюрнбергском процессе выяснилось, что каждый подсудимый, за которым виселица плачет, – это примерный семьянин и законопослушный патриот. Возможно, это социальный парадокс или насмешка нашей природы. Но существует разница между преступником и преступным сообществом.

Злодеи способны собраться в банду и могут быть посажены в тюрьму. А преступное сообщество часто состоит из «порядочных» людей и может быть посажено в парламент.

Зачем преступать закон, если можно создавать преступные законы.

Наверное, трудно поверить, но среди украинской политической «элиты» бывают не только воры, жулики, убийцы, садисты, грабители, педофилы и маньяки. Там иногда встречаются люди, способные искренне любить свою Родину. Когда они публично плачут и говорят, что им «Украина болит», – это чистая правда. Точно так страдает семейство, когда зарежут любимого телёнка – все молча сидят, плачут и жрут свежатину. Плачут и жрут... Плачут и жрут... Плачут и жрут...

Сцена, достойная сочувствия.

Почти у каждого имеется заветная мечта или большая страсть. Один хочет дачу возле моря, другой – кучу денег, а третий любит красоваться на трибуне и жаждет «родину спасти»... Вроде нет ничего аморального. Но почему-то в детской раздевалке пропадают мелочь и колготки...

Это особенность преступного сообщества – воровство есть, а воров нет.

В отличие от людской толпы, где обезумевшая масса не ведаёт, что творит, преступное сообщество – это разумный организм, где каждый знает, что делает, и предвидит последствия. Здесь не бывает случайных людей. Каждый молча вносит свою долю согласно сговору, который не требует слов. Это самый безопасный способ совершения злодеяний.

Потому что всё, как правило, законно. Там есть персональная выгода, но нет персональной вины. Поэтому отвечать могут либо все вместе, либо никто.

Наивно сводить счёты с отдельной раковой клеткой. Но вырезать всю опухоль – дело трудное. Без набора стальных инструментов не обойтись. Не всякий решится на операцию...

Украинский правящий класс – это преступное сообщество, которое не может быть посажено в тюрьму.

А жаль!..

Где не работают нормы юридические – включаются нормы исторические. Где революция всегда несправедлива. Когда в народном трибунале не спрашивают справку из районного суда. Где списки партийные превращаются в списки расстрельные. Где бесполезно кричать, что ты копейки не присвоил... Если рядом сидел – значит, лично благословил законность всего происходящего. Там глупо говорить, что вы нас сами выбирали! Это равносильно заявлению, что евреи сами в Бабий Яр пришли.

В жизни многое бывает против правил. Когда гранёный штык пронзает солидного мужчину или женщину сквозь дорогое бельё и чековую книжку – это вызывает удивление... Как будто роскошный павлин это не разновидность курицы, которую можно просто зарубить и зажарить на ужин. Сегодня он щёки раздувает, а завтра кудахчет о пощаде. Страшно умирать, сидя на золотом унитазе...

Украинцы мудрые люди. У нас хорошо понимают, что водка вкуснее крови. Нам неохота бегать вдоль Крещатика и резать олигархов. Лучше спать в саду на ящике с патронами – во сне приятней видеть, как враги отечества сами удавились.

Но разве нам дают уснуть!..

Коллектив жирующих граждан дразнит всю нацию. Прямо под нос они суют своё богатство и кричат: «Завидуйте! Мы утопаем в птичьем молоке! Мы все живём судьбой, которую не ждали! Завидуйте! Гадить открыто и безнаказанно – счастье, недоступное для вас! Мы надругались над вашей старостью и съели ресурсы ваших потомков! Мы обесценили ваши труды и знания! Лишили достоинства все погоны и дипломы! Наши дети и бабы глумятся над вами! Что ещё нам надо сделать, чтобы вы взорвались?!»

Мы отводим в сторону глаза и выжидаем... Панов ненавистных на вилы кидать – наша народная традиция. Колиивщина – это наш героический эпос. Гайдамаки – сладкая легенда. Махновщина – гордость народного духа. И пророк национальный призывает прямо – топоры точить, чтобы кровь стекала в синее море...

Ясно, что если всю эту контору в живых оставить, у нас не будет шансов на развитие. Бессмысленно детям в школу ходить, если в нашей новой истории отсутствует нравственный урок...

Но ужас заключается в том, что народный заказ на возмездие всегда неуправляем. Начнёт гореть – не остановишь. Границы правящего класса размыты. Едва ли не в каждом селе имеется свой олигарх. Все, кто в паны записался, – хотят мира, а все, кому не повезло, – хотят справедливости.

А нам хорошо известно: где появляется справедливость, там не хватает пива на розлив. Поэтому нас мучает выбор, что важнее: пиво или справедливость. Только история нас не спросит и сделает всё по-своему... Скорей всего, нам будет не до пива.

Преступное сообщество само собой не растворится. Оно не изменится и не отступит. Свой навык оно способно передать по наследству. Оно собирается жить вечно.

Когда колония паразитов поедает большое тело, врачи не рассуждают о правах червей и личинок. Здесь не спасает общество зелёных. Смешно вести переговоры с клещами, сосущими кровь, – интересы слишком разные...

Если уничтожение правящего класса перестанет быть народной мечтой и превратится в банальную медицинскую процедуру, начнётся самое трудное. Нам придётся вести здоро-

вый образ жизни, постоянно следить за собой и проводить профилактику. И во многом себя ограничивать.

В противном случае всё бесполезно. Если тело нации будет больным, его всегда будут жрать паразиты.

Говорят, что социальный кризис – это когда Бог судится с людьми.

А там, где Бог судится с людьми, адвокаты уже не помогут...

МЕРИЛО НАШЕГО РОСТА

Рост любого человека можно измерить школьной линейкой. А рост украинской нации – только высотой забора на улице Банковой, где сидит Президент. В лучезарные советские времена, когда и народ и партия были едины, по этой улице можно было кататься на «Жигулях». Тогда все знали своё место и никто никому не мешал. Начальство слушало Москву, а народ слушал начальство.

Постоянная угроза, что завтра «придут и заберут», обеспечивала идеальную гармонию в обществе. Генеральный прокурор сидел на скромной дачке и уважал своих соседей – ткачиху, инженера и врача.

О том, что у начальства имеется паёк с редкостной колбаской, люди знали. Но в глаза не видели. Чтобы народ не раздражать, начальство грызло колбаску в темноте.

Однако мир пролетарской справедливости нам сильно надоел. И мы кинулись просить свободы. Сотысячными толпами народ собирался под окнами начальства и слушал «правозащитных» поэтов. Они призывали «сохранять спокойствие и не поддаваться на провокации». Начальство смотрело в окна и не могло поверить, что всё это море людей собралось с единственной целью – «сохранять спокойствие».

Стало ясно, что из кабинетов никого не выбросят и можно спокойно грабить страну. О таком счастье и мечтать было нельзя. Начальство сделало вывод, что «правозащитные» поэты – это дурачки, а народ – это бараны.

Народную просьбу исполнили.

И как только свобода пришла, справедливость сразу пропала. Скромное начальство превратилось в наглое правительство, а секретарь советского колхоза стал называться президентом. И проезд обычным людям вдоль Банковой тут же запретили.

Сначала поставили наземный знак. Потом протянули верёвочку. Потом поставили шлагбаум. Потом снова знак. И опять верёвочку.

С виду – смешная суета. А на самом деле – серьёзная работа.

Начальство выясняло, на что бараны лучше реагируют: на знак, шлагбаум или верёвочку.

Но времена менялись. Начальство жирело, а народ умнел. И чем больше умнел, тем солидней становилось препятствие на Банковой.

Когда люди догадались, что начальству пора морду бить, верёвочку сменила скромная разборная оградка. А когда в оцепление милиции полетел первый кирпич, оградку сменили на стационарный чугунный заборчик. А когда грянул «оранжевый взрыв», пришлось поставить решётку до неба.

Наверное, начальство решило, что киевляне – это крылатые волки, у которых разыгрался аппетит. А значит, уже не нас, а себя они принимают за откормленных баранов, готовых к употреблению. Если учесть, что хозяйственные украинцы жирными харчами не брезгуют – бандитам тюрьмы уже не светят.

Забор на Банковой – самое точное мерило зрелости нации. И вряд ли наш рост уже прекратился.

Рано или поздно на месте решётки появится стальная стена с пулемётными гнёздами.

Затравленное начальство станет ползать за этой оградой, а снаружи будут носиться лихие народные тачанки.

А потом, как всегда, придёт гармония. По улице Банковой начнёт ходить общественный транспорт. И каждый будет уважать своих соседей.

АПОЛОГИЯ КОРРУПЦИИ

Говорят, что дуракам закон не писан, хотя на самом деле законы пишутся только для дураков. Люди привыкли видеть в себе диких животных, которым нужна клетка и дрессировщик. Железные прутья уголовного кодекса угрожают всякому, кто не хочет жить согласно режиму условного вольтера. Слава Богу, что есть люди, способные вырваться за «опасные» флажки, чтобы творить по естественным, неписаным законам свободного разума. Когда безграмотные лентяи наблюдают за такими людьми, они называют их коррупционерами.

В толковом словаре можно прочесть: *«Коррупция (от лат. corruptio – подкуп) – распространённая в капиталистических странах подкупность и продажность среди государственных политических и общественных деятелей, а также чиновников государственного аппарата».*

Сегодня некоторые претенденты на украинский государственный «трон» имеют наглость заявлять, что они намерены уничтожить коррупцию и с этой целью идут на грядущие выборы. Заметьте: не с целью создания процветающего государства, а с целью победить коррупцию. Странно, не правда ли? Можно подумать, что этим гражданам нечем больше заняться. Ведь, как известно, за последние десять тысяч лет мировой истории коррупция была побеждена только один раз, и то ненадолго. То есть в государстве древних спартанцев, где не было денег и меркантильных интересов.

Что касается Украины, то в ближайшие годы она намерена развиваться, как все нормальные страны. Это задекларировано в её Конституции. Но вместо того, чтобы следовать намеченной цели, у нас развели галдёж о какой-то коррупции, которая якобы мешает нам иметь в доме туалетную бумагу.

Почему же американцам, японцам, англичанам, французам, итальянцам и т. п. наличие коррупции совсем не вредит, судя по их процветанию? Ответ один: коррупция – это не только подкуп и продажность, но также взаимный обмен ценными услугами умных, гибких, предприимчивых людей.

Неужели сегодня в нашей стране найдётся хотя бы один психически здоровый человек, способный верить, что правительство, парламент и госаппарат идут работать с целью получить официальную зарплату? Когда, где, в пределах какого государства могут происходить такие вещи? Ведь истина одна на всех: когда рука руку моет, руки всегда чистые. И только законченный идиот может бороться с подобной гигиеной.

Беда дурно устроенных государств заключается не в наличии коррупции, а в её качестве. Голосуя за новых людей, мы, по сути, голосуем за новую коррупцию. Здесь уместен один наглядный пример. До Петра I в России тоже была коррупция, но великий реформатор решил проблему единственно верным способом: он создал условия для работы новых коррупционеров, и ситуация в стране изменилась тотально. Все знали, что Александр Меншиков берёт огромные взятки, но при этом он принёс больше пользы, чем вся допетровская администрация за последние сто лет. Неважно, сколько успел украсть Демидов. Важно другое: он сумел в кратчайший срок завалить всю Россию пушками новейшего образца.

До тех пор, пока мы не поймём, что важен не процесс, а результат, в нашей стране будут работать только бездарные коррупционеры. Лучше довериться деловому бандиту, способному создать массу рабочих мест, чем мелкому, бесполезному проходимцу, берущему взятки только борзыми щенками.

Зачем себя обманывать, ведь мафия бессмертна не потому, что она сильна, а потому, что мы не можем без неё жить. Неформальные отношения коррупционеров в обход навязанным правилам обеспечивают реальную заинтересованность в рабочем процессе и гибкость социального творчества. В сущности коррупция спасает общество от самопожирания.

Страшно подумать, что может произойти, если завтра мы начнём жить строго по закону. Разрушится буквально всё: отношения между людьми, производственная сфера, целесообразность действий и логика намерений. Другими словами, нам дорого придётся платить за порядок, в котором никто не нуждается. С библейских времён необязательность исполнения законов является главным условием общественной безопасности. Ведь беспредел начинается только там, где этого хотят. Коррупцию надо уважать и воспитывать. Чем культурнее и просвещеннее среда, тем эффективнее она работает. Взаимопонимание, умение договариваться между собой избавляет нас от бессмысленной конфронтации и помогает двигаться вперед. Чем меньше мы считаем деньги в чужих карманах, тем больше появляется своих.

Нельзя поддаваться примитивной агитации и доверять демагогам. Создавая новое правительство, нужно ставить вопрос ребром: что вы можете нам предложить за то, что мы не посадим вас в тюрьму? Конкретный ответ – залог высокого результата. Если кто-то заявляет, что он хочет возглавить общество, потому что любит Родину, – его смело можно ставить к стенке. Ханжа должен лежать на кладбище. Истинные вожди любят не Родину, а себя. Их не интересует воровство государственных дач. Они приватизируют старинные замки. Рассматривая государство как свою собственность, они гармонизируют пространство согласно своим эгоистическим устремлениям.

Самовлюблённая личность принципиально выполняет условия негласного общественного договора, потому что уважает себя. Мудрые, природные лидеры не позволяют себе оправдываться наличием деструктивной среды. Они смело разрушают старую коррупцию и создают новую – по образу и подобию своему. Если президент или премьер заявляет, что ему помешала коррупция, значит, он творческий импотент, бессовестно обманувший людей и самого себя.

АПОЛОГИЯ СМЕРТНОЙ КАЗНИ

Скучно живётся Европе. И с чего бы Украине хвастаться принадлежностью к ней? Хором заладили: «Мы европейцы, мы европейцы!..» Чукчи, к примеру, не кричат: «Мы азиаты». Видимо, знают, что сколько об этом не заявляй, японцем не станешь.

Желание найти себе покровителя у нас в крови. Мы занимаемся этим со времён призвания варягов. Можно подумать, что мы существуем только для чужих прихотей и «ценных» указаний.

Ещё до недавних пор вопрос об отмене смертной казни в Украине серьёзно нигде не обсуждался. И только под давлением Европейского Союза мы зашевелились. То же происходит и в России. Сами того не замечая, мы превратились в клоунов заказного гуманизма. Развернувшиеся дебаты доказали: только политический шантаж способен вынудить нас к формальному признанию права человека на жизнь. Самостоятельно, искренне осознать необходимость отмены смертной казни мы явно не можем и не желаем. Большинство нашего населения ратует за сохранение высшей меры.

Странно, зачем Европейскому Союзу нация дрессированной морали? Кому принесёт пользу бюргерское ханжество? Ведь существующие законы отражают истинный уровень нашего общества. К чему обманывать себя? Жажду смертных казней нельзя убить в людях простым административным решением. Модные кроссовки не изменят сущности дикаря.

Миссионерские замашки Европы вредны некорректным подходом к делу. Нам отказывают в свободном выборе. Насильственная отмена смертной казни в благодарность за право быть частью ЕС создаёт нам имидж ряженых гуманистов. В результате мы будем испытывать комплекс неполноценности от неестественности собственной правовой культуры. Мы никогда уже не сможем гордиться отменой казни как показателем реального духовного роста нации. Навязанная мораль убивает всякую перспективу исцеления души. А ведь нам необходимо это исцеление.

Зачем стесняться? В настоящий момент мы нуждаемся в смертной казни не для наказания преступников, а для собственного удовольствия. Мы – общество стеснительно краснеющих палачей, и нам стыдно признаться в этом.

Люди привыкли казнить друг друга с ветхозаветных времён. Это занятие их безумно увлекает. Любое преднамеренное убийство есть своеобразный юридический процесс, где палач-любитель ищет повод для вынесения приговора и сам приводит его в исполнение. Другие палачи, которым не хватает духу для такого дерзкого поступка, ловят удовлетворившегося нахала и казнят его с не меньшим удовольствием.

В былые времена публичные казни собирали огромные палаческие толпы, где каждый мог налюбоваться зрелищем. Состоятельные дамы покупали себе удобные, престижные места, чтобы в роковую секунду нервно вскрикнуть и зажмуриться. Почти как во время оргазма.

Любой, кто согласен с применением смертной казни, причастен к ней. Исполнитель – всего лишь доверенное лицо, которому любители позволяют радовать себя высоким мастерством ритуального убийства. Европейские эстеты знали в этом толк.

Но в Украине профессиональные палачи противоречили народным традициям. Наши люди привыкли получать удовольствие сами, без посредников. В Киевской Руси любительские казни называли кровной местью. Народ отдавался этому так самозабвенно, что киевские князья решили извлечь из этого пользу. В качестве компенсации за совершённое убийство полагался денежный штраф. То есть любой кредитоспособный человек мог реализоваться в качестве палача с пользой для государства. В данном случае на возможный объект убийства устанавливались особые расценки с учётом его социального положения. Люди не

очень состоятельные могли в складчину оплатить казнь дорогого чиновника, после чего они ждали аналогичных действий со стороны его родственников. В общем, все были довольны. Народ казнил – страна богатела.

Даже в более поздние времена в пределах казацких вольностей наши люди старались казнить демократично. Например, коллективное побивание палками жертвы у столба позволяло каждому желающему приложиться к таинству «мокрухи».

Демократичность наших палачей время от времени нарушали то польские, то русские профессионалы. Но особенно далеко зашли коммунисты. Этим было мало отобрать у народа колбасу, поездки за границу и порнографическое кино. Они посягнули на публичность смертной казни. Уже многие годы мы не можем наладиться любимым зрелищем, и только в собственных фантазиях сопровождаем осуждённых к заветному месту расстрела. От нас так тщательно скрывают процедуру высшей меры, как будто речь идёт о содержимом правительственных пайков.

Европейский Союз и вовсе обнаглел.

Возможная отмена смертной казни угрожает абсолютному большинству наших палачей запретом на самореализацию. Только отчаянные нахалы смогут позволить себе творческий порыв. Всех, кто насладится исполнением приговора, будут пожизненно содержать в тюрьмах, то есть специализированных палаческих клубах, где за толстыми стенами немногие любители смогут обмениваться полученными впечатлениями. А как же всё остальные палачи, которым неудобно исполнять приговор собственными руками? Неужели они будут только завидовать счастливым и не смогут даже мысленно удовлетвориться фактом их умерщвления?

Украина занимает третье место по вынесению смертных приговоров. На первом – миллиардный Китай. Совершенно очевидно, что к этому делу у нас нездоровая тяга. Уже многие выразили своё недовольство грядущими переменами и доказывают, что казнить дешевле. Для палачей-налогоплательщиков это, конечно, весомый аргумент. Но главное, видимо, в другом: казнить приятно, а миловать – не очень. Интересно, сколько помилований ежегодно подписывает президент? Вряд ли эта цифра способна оскорбить наши чувства.

Говорят, есть такие бесчеловечные палачи, которых нельзя оставлять в живых: они, дескать, казнили без спросу много женщин и детей. Конечно, стеснительных, порядочных палачей это больно задевает, и они требуют восстановить справедливость выстрелом в затылок.

Не секрет, что среди приговорённых много невинных. Это обстоятельство нас приятно волнует. Когда выясняется, что где-то погорячились, любители казней скорбно закатывают глаза и направляются в театр смотреть, как Отелло душит невинную Дездемону, а жестокий Арбенин травит жену за утеранный браслет.

Палачи уважают свою классику. Культ невинно убиенных – это особый шик сентиментальной палаческой среды. Мировое искусство буквально кишит их любимыми сюжетами. Особенно кинематограф.

Большинство фильмов – это торжественные гимны искусству палачей. Насмотревшись подробных киноинструкций, мы точно знаем, как нужно вешать гордых партизан и рубить головы распутным королевам. В общем, казни и радуйся!

И вот теперь какой-то Европейский Союз хочет поиздеваться над нашим народом. В самом деле, с каких это пор в Европе увлеклись защитой интересов реализованного палаческого меньшинства? Может, у них гильотина затупилась?

Неужели они всерьёз полагают, что кто-то поверит в европейскую гуманность. Откуда ей взяться? Ведь у них почти в каждом городе имеется музей средневековых пыток. Лучшие нацистские концлагеря до сих пор бережно сохраняются, подобно величайшим достижениям человеческого гения. Якобы в назидание.

Скажем откровенно. Культурная Европа – это пространство сытых, изолгавшихся убийц. За внешней респектабельностью здесь проглядывает чванство утомлённых палачей. Именно по их указке мы отменили смертную казнь и будем стыдиться этой правды.

НАЛОГОВЫЙ ПРИНЦИП ВСЕЛЕННОЙ

Чтобы не платить налоги, умные люди поступают радикально: они просто не рождаются на свет. Все остальные ведут наивную борьбу за право жить и не платить за это.

Глобальная власть всеобщих налоговых претензий совершенно очевидна, но мы предпочитаем пребывать в иллюзии, что налоги собирает только государство. Действительно, любая общественная структура нуждается в кассе, и государство играет здесь ведущую роль. Хочешь-не-хочешь – бюджет надо формировать.

Для этого существует два пути: почти бесплатный труд казённых людей, каковыми были все обладатели «серпастого и молоткастого», или путь налоговых отчислений, чем и занимаются бессмертные библейские мытари в лице сотрудников налоговых ведомств. Это не просто чиновники. В социальной среде они занимают особое положение как люди, имеющие право свободно вмешиваться во все аспекты существования любого гражданина, потому что во всех этих аспектах мы так или иначе оперируем деньгами.

Каждый налоговый чиновник знает: если индивидуум хоть как-то передвигает в пространстве калоши, значит, деньги у него есть. А это уже прецедент, главное вещественное доказательство – чего именно, сотрудник налоговой инспекции расскажет сам.

В развитых странах присутствует ещё одна категория особых людей. Это очень большие люди: они знают, как не платить налоги. Подобные специалисты представляют собой своеобразный антипод налогового инспектора и существуют как его необходимая в природе противоположность. Не следует путать их с адвокатами, потому что адвокат может клиента красиво «отмазать», а эти эксперты не позволяют клиента «замазать».

Все люди устроены одинаково. Любой здоровый индивидуум не хочет платить налоги. Это естественный рефлекс, с которым налоговый инспектор считаться не намерен. Его власть настолько велика, что она фактически превышает границы здравого смысла.

Ярким примером может служить налог за бездетность, когда человеку, достигшему возраста восемнадцати лет и одного месяца, инкриминируется не НАЛИЧИЕ чего-либо, а ОТСУТСТВИЕ, в данном случае – детей. Клиент платит за нежелание или неспособность размножаться! Остроумно, не правда ли? Таким образом, налоговый инспектор проникает к нам в постель и ощупывает наши гениталии.

Если человек, проживающий во Франции, умудрился снизить свой налог ниже критической суммы, его обяжут заплатить налог за окна в доме или камин. Если он спросит, почему так, ему тут же выпишут штраф за пререкательство с инспектором. При этом бессмысленно закладывать окна, разрушать камин и вырубать деревья в саду: налоговый инспектор возьмёт налог за то, что ты рыжий.

Если при Петре I брали налог за бороду, то почему не брать его за то, что у вас уши длиннее шести сантиметров? Ведь это прецедент, выгодно выделяющий вас из большинства. Другими словами, налоговый подход к жизни значительно глубже, чем представляется на первый взгляд.

В душе каждого из нас проживает налоговый инспектор. Что заставляет людей интересоваться доходами соседа, который нигде не работает? Всё тот же налоговый подход к жизни, заключающий в себе интерес к доходам окружающих не с целью их приумножить.

Не зря возник анекдот: «*Изя! Ты деньги получил?*» – «*Получил*». – «*Хорошие?*» – «*Хорошие. Но мало*». Таким способом мы стараемся уходить от налоговой сущности ближнего.

С определённой целью хитрые люди сформировали в сознании наших граждан образ мифического западного героя, например американца – человека с лучистыми глазами, гордо расправляющего спину и членораздельно произносящего: «*Я плачу налоги!*». Первое и единственное содержание этой реплики – вызов человеческой природе.

Наряду с Кощеем Бессмертным этот сказочный персонаж противоречит реальному человеку, который стремится не платить налоги и вынужденному однажды умереть. Этого образа дети боятся с колыбели. Повзрослев, они пользуются отдельными замашками данного персонажа, властно и безапелляционно выкрикивая: *«Я плачу налоги и требую!»* – самый тяжеловесный аргумент.

Сопrotивляясь налоговым претензиям, мы всегда ориентируемся на глубину риска, выясняя, что выгоднее: не платить, рискуя, или платить, не рискуя. За всё отвечает калькулятор. Здесь уживаются экономика и психология. Здесь каждый представляет собой упрямого Буратино, который заявляет: *«Я нипочём не дам Некту яблока»*, – но мысленно производит подсчёт. Ничего не поделаешь: хочешь жить – становись деревянным подростком, способным считать хотя бы до пяти.

Каждый день, что бы мы ни делали, следует помнить, что налоговый контроль – это правило Вселенной. Желаете быть пожарным – плати налог сгоревшей кожей, любишь водку – плати циррозом печени, любишь жирное – плати жёлчными камнями, хочешь избежать менструации – плати токсикозом беременности.

Не зря, посещая кладбище, мы испытываем неведомое чувство покоя. И это понятно, ведь там никто не платит налоги. За посещение этого святого места мы всё же обязаны платить налог: цветами, венками, конфетами и пасхальными яйцами. Только здесь уклонение от налога считается противоестественным явлением. Кладбищенская правда заставляет нас признать в абсолютной справедливости вселенских налоговых претензий, но эта справедливость нас не устраивает.

Нам очень хочется, чтобы налоговый инспектор не переступал порог нашего дома, но отказаться от своих налоговых претензий к ближнему у нас желания нет.

Круг замыкается и маразм крепчает.

Мы по-прежнему будем сочинять идиотские законы и подметать соседскую копейку, бессмысленно надеясь, что никто не подметёт нашу.

Мы останемся инспекторами и никогда не сдадимся инспектору.

Мы вечно будем напевать известную песенку:

Пусть лижут пятки языки костра,
зато не платят королю налоги
работники ножа и топора,
романтики с большой дороги.

ИНСТРУКЦИИ ГРАЖДАНСКОЙ ОБОРОНЫ

В раннем детстве мне обещали войну. Говорили – всё сгорит: и детский садик, и вредный дворник. Я долго доверчиво ждал. Уже песочницу сменил на парту, а войны всё не было...

Взрослые продолжали обещать, что страшная бомба упадёт на голову и спасения не будет, если в яме не спрячешься. У папы был противогаз, у мамы – аптечка. Нас гоняли в подвал, где заставляли примерять резиновые валенки. Там бегали крысы и папа сказал, что мы их обязательно съедим, когда будет война. Но слюни аппетитные я пускал напрасно. Бомбы не падали, а люди размножались, нагло поедая борщ без клочка крысиной шерсти. Дальше было хуже. Глупый учитель географии требовал знания стран, которых всё равно не будет. А наивные одноклассники смешно грызли гранит науки, явно собираясь дожить до аттестата зрелости.

Я подумал: меня обманули. Уже начал горько плакать, но бабушка снова вселила надежду. Она достала Святое Писание и показала место, где Бог лично уверял, что войны не избежать и просил не волноваться. Богу, бабушке и папе стоило верить. Я плюнул на сомнения, бросил учить географию и начал готовиться к войне.

Сперва выкинул коллекцию солдатиков, открытки бабушки, мамины марки и коллекцию папиных монет. Но судя по реакции в доме, к тяготам и лишениям наше население совсем не готово. Когда сосед купил машину, он мыл её, как бабу голую, и я подумал, что с ним будет, когда её танком раздавят? Регулярно царапая машину гвоздиком, я прививал соседу мужество. Враги написали в психушку донос, и в армию брать меня не хотели. Но я настоял на своём и целых два года жил по-человечески: сидел в глубоком бункере, читал сказки народов Севера и ждал ракетного удара, а все остальные ждали дембеля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.